

ОГОНЁК

**МОСКВА. 21 МАРТА 1977 ГОДА.
КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ.
XVI СЪЕЗД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
СОЮЗОВ СССР.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1977

НА XVI СЪЕЗДЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 13 (2594)

26 МАРТА 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек», 1977

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени ВЦСПС.

СОВЕТСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ БЫЛИ И ОСТАЮТСЯ ШКОЛОЙ КОМУНИЗМА. В ЭТОЙ ШКОЛЕ УЧАТСЯ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ ПО-КОМУНИСТИЧЕСКИ. В ЭТОЙ ШКОЛЕ ФОРМИРУЕТСЯ НОВЫЙ ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА ТРУДА. В ЭТОЙ ШКОЛЕ ВОСПИТЫВАЮТСЯ ВЫСОКИЕ КАЧЕСТВА ТРУЖЕНИКОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ, ВОСПИТЫВАЕТСЯ ВЕРНОСТЬ НЕМЕРКНУЩЕМУ ЛОЗУНГУ «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!».

Из речи товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XVI съезде профсоюзов

ПРОФСОЮЗОВ

К

ак никогда монолитным, сплоченным вокруг партии и ее ленинского Центрального Комитета пришел более чем 113-миллионный отряд членов советских профсоюзов к своему XVI съезду. В делах и свершениях партии черпают они свое вдохновение, партия окрыляет их великими, благородными целями, создает все условия для плодотворной работы.

Кремлевский Дворец съездов. 21 марта здесь собрались более пяти тысяч посланцев рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции.

10 часов утра. Бурными, долго не смолкавшими аплодисментами встретили собравшиеся товарищи Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко, Я. П. Рябова.

Во время открытия съезда.

Делегация Бурятской АССР в музее «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле».

В кулуарах съезда: делегации республик и областей.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

Съезд открыл председатель ВЦСПС А. И. Шibaев.

Единодушно, с большим подъемом избирается почетный президиум в составе ленинского Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

А. И. Шibaев сообщил, что по приглашению ВЦСПС на съезд профсоюзов прибыли 147 профсоюзных и рабочих делегаций из 115 стран, а также от семи международных организаций.

На рассмотрение XVI съезда профсоюзов СССР вынесены следующие вопросы:

1. Отчет Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.
2. Отчет Центральной ревизионной комиссии.
3. Выборы Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.
4. Выборы Центральной ревизионной комиссии.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Бурной, долго не смолкающей овацией, стоя встретили собравшиеся товарища Л. И. Брежнева.

Глубокую, яркую речь Леонида Ильича с огромным, неослабным вниманием слушали делегаты и гости съезда, десятки миллионов радиослушателей и телезрителей в нашей стране и за рубежом. В зале съезда неоднократно вспыхивали горячие аплодисменты.

Товарищ Л. И. Брежнев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении профессиональных союзов СССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты делегатов и гостей съезда прикрепил высокую награду Родины к знамени ВЦСПС. Заключительные слова речи делегаты и гости встретили стоя, продолжительной овацией.

От имени делегатов съезда, от имени ста тринадцати с половиной миллионов членов со-

ветских профсоюзов председатель ВЦСПС А. И. Шibaев горячо поблагодарил Центральный Комитет КПСС, его Политбюро, Президиум Верховного Совета СССР, лично товарища Леонида Ильича Брежнева за высокую оценку работы профессиональных союзов — награждение орденом Октябрьской Революции.

Отныне, сказал он далее, рядом с двумя орденами Ленина на знамени профсоюзов будет сиять и орден Октябрьской Революции.

С докладом о работе ВЦСПС и задачах профессиональных союзов СССР в свете решений XXV съезда КПСС выступил А. И. Шibaев.

На вечернем заседании делегаты заслушали отчет Центральной ревизионной комиссии профсоюзов. С докладом выступила председатель комиссии Е. Ф. Гугина.

Затем началось обсуждение отчетных докладов ВЦСПС и Центральной ревизионной комиссии.

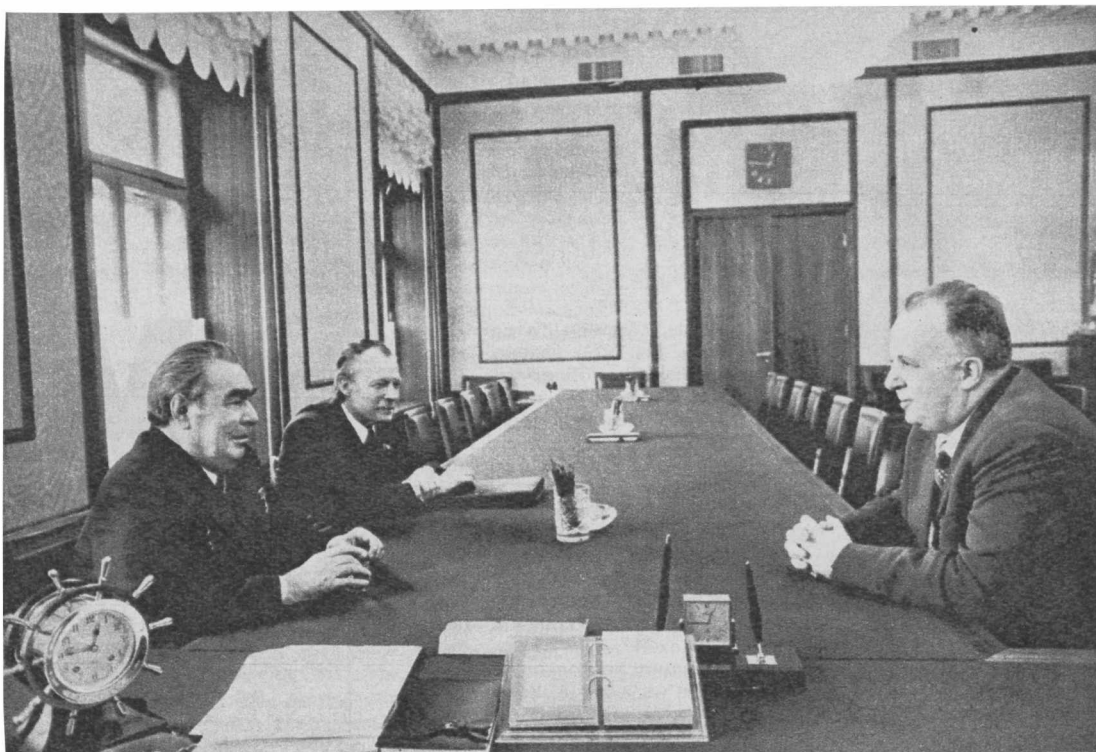
17 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро, секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии товарища С. Ольшовского, который прибыл в Советский Союз по приглашению ЦК КПСС для обмена опытом по вопросам партийного руководства народным хозяйством.

Генеральный секретарь ЦК КПСС выразил удовлетворение успешным развитием советско-польского сотрудничества на благо народов двух стран, дела социализма и мира и выказал пожелание дальнейших успехов братской партии польских коммунистов и польскому народу в деле осуществления решений VII съезда ПОРП.

В беседе, которая прошла в атмосфере сердечности и взаимопонимания, принял участие член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС тов. К. В. Русаков.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна [ТАСС]

Говорят делегаты съезда

СДЕЛАЕМ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ

На XVI съезде профсоюзов впервые так широко представлены сельские труженики.

Перед нами стоит большая задача—обеспечить бесперебойное снабжение населения высококачественными, полноценными и разнообразными продовольственными товарами.

Большое внимание в своей речи

товарищ Л. И. Брежнев уделил вопросам животноводства. Мне как чабану это особенно близко и понятно. В нашем Коктерекском овцесовхозе, что в Джамбулской области, тридцать три тысячи овец. Вот-вот настанет самая тревожная и важная пора в нашей чабанской работе—массовый окот овец. Как много здесь зависит от внимания, терпения и трудолюбия! В моей отаре, например, на сто овцематок рождается сто семьдесят ягнят. А ведь есть отары, где не получают и ста ягнят. Значит, надо помочь отстающим, подтянуть их до уровня передовиков, вовлечь в социалистическое соревнование.

Очень правильно сказал товарищ Л. И. Брежнев и о том, чтобы колхозы и совхозы в надежде

на крупные специализированные хозяйства не спешили сворачивать свои фермы, не переставали держать свиней, заниматься птицей. Несколько лет назад мы тоже чуть было не расстались с птицефермой, но вовремя одумались. В прошлом году доход от реализации только уток составил пятьдесят тысяч рублей. Думаю, что с этого года займемся и свиноводством.

Словом, мы сделаем все возможное, чтобы труженики города бесперебойно получали все необходимые продовольственные товары.

Ш. ШАРИПБАЕВ,
чабан,

кавалер двух орденов Ленина
и ордена Октябрьской
Революции

КОРАБЛИ ИСПЫТЫВАЕТ МОРЕ

У меня счастливая профессия: я делаю суда и тем приумножаю славу ленинградских корабелов. Только за годы девятой пятилетки мы спустили на воду десятки судов: сухогрузов, плавучих доков, пассажирских лайнеров. Но больше всего гордимся контейнеровозами—в прошлом году они получили Знак качества.

Это и есть наш вклад в выполнение ключевой задачи десятой пятилетки—повышать эффективность и качество.

В своей речи на XVI съезде профсоюзов Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Бреж-

нев уделил этому вопросу особое внимание. Он прямо сказал, что в центр экономической политики поставлена борьба за эффективность общественного производства, за высокое качество работы во всех областях, на всех участках народного хозяйства.

Мне, рабочему человеку, очень понятны и близки слова Леонида Ильича Брежнева о том, чтобы лаконичная и точная формула—эффективность и качество—не превратилась в приевшуюся фразу, не потеряла своего активного, мобилизующего характера. Что греха таить, порой мы действительно забываем ежедневно с

пристрастием проверять себя: а все ли делается для претворения этой прекрасной формулы в жизнь?

Думаю, после возвращения со съезда мне будет о чем поговорить со своими товарищами: ведь к нашей продукции предъявляются особые требования, и наш главный ОТК—море!

Н. РОМАНОВ,
бригадир судосборщиков
Ленинградского
судостроительного завода
имени А. А. Жданова,
Герой Социалистического Труда

ЗАБОТА О ЖЕНЩИНЕ

Я работаю главным зоотехником ордена Трудового Красного Знамени совхоза имени Ленина. Наше хозяйство считается пригородным и снабжает трудящихся Риги молоком и овощами. Так уж повелось, что доярки и овощеводы в основном — женщины, и потому я с огромной благодарностью выслушала слова товарища Л. И. Брежнева, произнесенные на съезде в наш адрес: «С особой душевной теплотой хочется сказать о присутствующих в этом зале активистках профсоюзного движения, которые представляют более чем пятидесятиmillionный отряд женщин-работниц. Скажу

прямо: мы, мужчины, в долгу перед ними. Мы еще далеко не все сделали, чтобы облегчить двойную ношу, которую они несут и дома, и на производстве. Но тем больше оснований произнести слова признательности, обращенные к нашим матерям, женам и сестрам, слова благодарности за их самоотверженный труд».

Думаю, что сказанное Леонидом Ильичом заставит задуматься многих мужчин, и прежде всего тех, кто призван создавать машины и механизмы, облегчающие труд женщин не только на полях и фермах, но и дома. Уверю вас, дорогие мужчины, это пойдет на пользу и вам: чем больше у женщин будет свободного времени, тем меньше будет у вас оснований жаловаться на недостаток внимания с нашей стороны.

Р. ВЕЙЛАНД,
Герой Социалистического Труда,
заслуженный зоотехник
Латвийской ССР

НАШ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ

О тех, кто становится на путь антисоветской деятельности, нарушает советские законы, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми, идущими против собственной Родины, пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, что мы принимаем и будем принимать в отношении них меры, предусмотренные нашим законом».

Это просто удивительно, как у тех, кто поощряет активно выступающих против социалистического строя, хватает наглости лезть в наши дела, пытаться направить нашу жизнь по своему руслу. Нет, господа хорошие, бандизм, наркомания, разгул порнографии, расовая сегрегация, запрет на профессии, безработица — это не для нас!

Я уверен, что каждый советский человек подпишет под словами Л. И. Брежнева: «И пусть уж тут никто не обижается на нас: защита прав, свобод и безопасности 260 миллионов советских людей от действий подобных отщепенцев — это не только наше право, но и наш священный долг».

Н. КУЗНЕЦОВ,
летчик,
Герой Социалистического Труда

Больше двадцати лет вожу я пассажиров на воздушных лайнерах. И вот уже пятнадцать лет работаю на международных линиях. Нет такого континента, кроме Антарктиды, где бы я не побывал, и совсем мало осталось стран, в небе которых не летал бы мой ИЛ-62. Везде и всюду нас встречают как посланцев великого Советского Союза, как посланцев мира. Но время от времени приходится видеть всевозможных отщепенцев.

БОЕ

Много лет проработала в Новосибирске скромная женщина, коммунистка Ольга Ефимовна Леонова. И если бы не случай, то, может, я и не узнал бы, какая необыкновенная боевая юность была у нее.

До войны Ольга жила в Москве, работала в общем отделе ЦК ВЛКСМ. Как и многие девушки в то время, училась летать, прыгала с парашютом. А когда началась война, попросилась на фронт. Поначалу Ольге отказали, но осенью в ЦК ВЛКСМ прибыл представитель с фронта: срочно требовались комсомольские работники, пропагандисты, агитаторы для воинских частей. Ольга опять напомнила о своем горячем стремлении попасть в действующую армию. Настойчивость девушки, уверенность в своих силах были так убедительны, что ее в конце концов направили в политотдел 17-й кавалерийской дивизии знаменитого корпуса генерала Доватора. Работала она секретарем политотдела, затем лейтенанта Леонову назначили комсоргом кавалерийского полка. Комсорг полка! Ведь это пятьсот комсомольцев, а вожак у них — девушка!

Как-то приехал в дивизию М. И. Калинин, выступил перед кавалеристами и, проходя мимо строя, заметил невысокую девушку в длинной шинели, улыбаясь, спросил:

— А вы не боитесь?

За растерявшуюся Ольгу ответил командир дивизии:

— Она у нас молодец!

Наравне со всеми участвовала Ольга в

КОНКУРС
ПО СЛЕДАМ
СОВЕТСКОГО
ДИПЛОМА

«СПАСИБО!»

«По следам советского диплома» — так называется конкурс читателей, объявленный в № 6 «Огонька» за этот год. Мы просили, чтобы нам написали выпускники советских вузов — граждане социалистических стран, и те, кто учил их или учился вместе с ними, кто познакомился с ними здесь, в СССР. Напоминаем, что пять советских победителей конкурса совершат поездки в социалистические страны, а пять его зарубежных участников приедут на неделю к своим советским друзьям.

Дорогой «Огонек»! Я твой давний читатель — с семидесятого года, когда начал учиться в Москве, в технологическом институте пищевой промышленности. Потом рад был снова встретиться с тобой в Ханое. В больших вьетнамских городах «Огонек» продается в киосках, у него много читателей — советские специалисты, работающие у нас, выпускники советских вузов.

Вот он, мой советский диплом — красная книжечка с гербом страны, которая стала моей второй родиной. День, когда я его получил, останется самым дорогим. Это был праздник не только для меня, но и для моих наставников, друзей. Для профессора Гинзбурга и кандидата технических наук Ляховицкого, руководителей дипломной работы. Для Ларисы Михайловны Понизовской, наверно, самого заботливого дежана по работе с иностранными студентами, для моего русского друга Миши —

пять лет мы вместе слушали лекции и готовились к семинарам.

В тот день, 20 июня 1975 года, получили дипломы еще одиннадцать моих сокурсников из Вьетнама. Бинь сейчас в Ханое, ведет научные исследования в области микробиологии, Тхо — инженер-технолог на заводе в Хошимине, Бин Дао преподает в Ханойском институте легкой промышленности.

В Ханой мы возвращались вместе. Ехали, переполненные впечатлениями о Советском Союзе. Но самым ценным грузом были, конечно, наши дипломы. В моей родной деревне, в двадцати километрах от Вия, меня ждали отец и мать, старший брат Кыонг, сестренка Тху Ха. Отец раньше работал в типографии в Вине, мама — в сельскохозяйственной артели, сейчас оба уже на пенсии. Кыонг — военный, а сестра учится в педагогическом институте. Отец

ВАЯ ЮНОСТЬ

атаках, в маршах и боевых рейдах по вражеским тылам.

Однажды в темную дождливую ночь сабельные эскадроны, оставив коней в прибрежном лесу, пошли через Десну вброд. Среди бойцов была и комсорг полка. В сапогах, брюках, гимнастерке вошла Ольга в черную ледяную воду, держа над головой автомат и полевую сумку с комсомольскими документами.

Противник то и дело освещал реку ракетами, обстреливал из минометов, пушек, пулеметов. Там и тут с грохотом рвались снаряды. Ольга брела по груди в воде, еле-еле держась на ногах; одежда на ней отяжелела, и, казалось, уже не было сил идти. Вдруг девушка оступилась и скрылась под водой, но солдаты тут же подхватили ее и на руках вынесли на берег. А тут вспыхнул такой бой, что обсушиться было некогда. Леонова наступала вместе со всеми. Враг ударил по кавалеристам с флангов и отсек их. Трое суток находился полк в тылу врага, ведя бои, пока не пробился к своим. Ольга заболела воспалением легких. После госпиталя ей предоставили отпуск, и она поехала в Москву. Ольгу радушно встретили старые друзья. В Наркомате обороны ей вручили шапку с серебряным эфесом.

Вернулась Леонова в родной полк — и сразу в бой. Разгорелся он на подступах к городу Седлец. Враг бросил против кавалеристов танки. Потеряв два танка, немцы откатились на исходные позиции. Однако не прошло и часа, как они снова контратаковали. Сквозь грохот боя Леонова услышала, как вскрикнул командир отделения сержант Хабибулин. Ольга метнулась к нему. Сержант был мертв. Не раздумывая, комсорг полка заняла его место у противотанкового ружья. Многих боевых товарищей тогда недосчитались, но не отступили наши воины. Контратака вновь была отбита.

За мужество и личную отвагу в этом бою Леонова была награждена орденом Красной Звезды.

Многое связано у Леоновой с рекой Вислой, с польским Полесьем. Там девушка пережила страшные минуты.

...Перед вечером полк расположился в лесной деревушке. Леонова выбрала себе хату на краю селения, у самого леса. Жила здесь одинокая старушка. Ольга принесла с собой керосиновый светильник и начала писать донесение в политотдел.

Тишина. Только карандаш шуршал по бумаге. Вдруг послышался еле уловимый шорох за дверью, кто-то крадучись вошел в сени. Ольга потянулась за автоматом.

— Ни с места, — предупредил тихий голос из мрака.

Девушка оглянулась и увидела за порогом двух мужчин.

«Бандеровцы», — подумала Ольга.

— Напугалась? — спросил один. — Говори, где штаб.

Девушка понимала, что надо выиграть время. Но как? Что сделать?

— Развяжи язык, говори, где штаб! — уже громче, раздраженной произнес все тот же и шагнул к столу.

— Штаб в деревне, — сказала Ольга. — Тут, недалеко. Я покажу. Выйдем на улицу...

— Говори здесь.

«Что же придумать?» — вертелось в голове. Вдруг хлопнула сенная дверь, и в комнату влетел посыльный, крикнув на ходу:

— Товарищ лейтенант! К замполиту, срочно.

— Подожди. Иду! — крикнула Леонова, хватая автомат, но «гостей» уже и след простыл. Вместе с посыльным метнулась во двор, но было так темно, что найти бандитов не удалось.

При форсировании Вислы, при штурме Варшавы и битве за Берлин Ольга Леонова, как всегда, находилась среди своих комсомольцев в передовых рядах наступающих. Родина отметила ее еще одной правительственной наградой — орденом Отечественной войны. Слава о девушке-кавалеристе,

О. Е. Леонова. 1942 год.

комсомольском вожаке, разнеслась за пределы полка и дивизии.

После демобилизации из действующей армии Ольга Ефимовна приехала в Новосибирск. Более четверти века проработала там, воспитала двоих детей. Дочь Светлана, комсомолка, живет и трудится в Междуреченске, растит маленьких Леночку и Наташу — внушек Ольги Ефимовны.

Сын Юрий — комсомолец, офицер военно-воздушных сил.

И. ВЕРЕВКИН,
подполковник запаса

Новосибирск.

осторожно взял в руки мой диплом и сказал: «Спасибо тебе за эту счастливую минуту, сын!»

Пришли односельчане послушать мой рассказ о Советском Союзе, среди них был тот, кто научил меня первым русским словам, — учитель Кунг...

Теплый сентябрьский день 1963 года. Маленькая сельская школа. Мы, пятиклассники, сидим за некрашенными деревянными партами. Входит наш новый учитель. Хорошо помню его слова: «Меня зовут Кунг. Сегодня — первый в вашей жизни урок русского языка. Это язык, на котором говорит население одной шестой части света и который изучают во всем мире. Это язык нашего друга — Советской страны. Знание его откроет вам доступ к великим богатствам науки и культуры». Тогда я еще не знал, что эти слова прямо относятся ко мне. Тогда я просто взял ручку и вывел вслед за учителем первые слова: «Ленин», «родина», «мама».

Через два года учитель Кунг ушел на фронт, и больше у нас не было его уроков. В десятом классе я решил, что после школы тоже пойду воевать. Долг каждого вьетнамца — спасти свою землю от агрессоров. «Ты говоришь верно, Дьонг, — сказали мне старшие. — Но надо думать и о будущем. Родина дает тебе другое задание — учиться. Поедешь в Советский Союз». Так в сентябре 1969 года я вместе с тысячей других своих сверстников из всех уголков Вьетнама попал на советский теплоход, который отвез нас из Хайфона в Находку. Он назывался «Ильич» — знакомое и дорогое нам с детства имя. Ведь почти в каждом вьетнамском доме портрет Ленина висит в парадной комнате рядом с фото-

графией президента Хо Ши Мина.

Моряки с теплохода были первыми советскими людьми, с которыми я познакомился. Нас поразили их сердечность и дружелюбие. Чувствовал себя именинником: я говорил с ними по-русски и переводил их слова для других ребят. Многие ведь еще не знали русского — по всей стране тогда не хватало учителей.

От Находки мы ехали поездом и из окна вагона впервые увидели белые-белые сибирские просторы... Какое это чудо — снег, узнали уже в Киеве. Однажды утром отправились, как обычно, на занятия, и вдруг сверху посыпались густые хлопья. Они непривычно хрустели под ногами, а на ладони тут же таяли, и оставались только маленькие капельки воды. Прохождение улыбались, глядя на нас.

В Киевском государственном университете я закончил подготовительный курс. После экзаменов сфотографировался на память со своими вьетнамскими друзьями. Они разъехались на учебу в разные города СССР, а я приехал в Москву, поселился в общежитии технологического института пищевой промышленности.

Дома, в деревне, мама складывала аккуратной стопкой мои письма. Я писал, чтобы она не беспокоилась, что я чувствую себя как дома. Рассказывал о поездке в Казахстан со строительным отрядом. Там мы были в гостях в крестьянской семье, и я написал домой, как тепло нас принимали, как живут советские крестьяне.

А однажды нас, вьетнамских студентов, пригласили пионеры московской школы. Это был вечер советско-вьетнамской дружбы. Пионеры передали нам тет-

ради, книги, игрушки, которые они собрали для вьетнамских ребят. Маленькая девочка показала мне на шею пионерский галстук. Он хранится сейчас дома вместе с моими письмами.

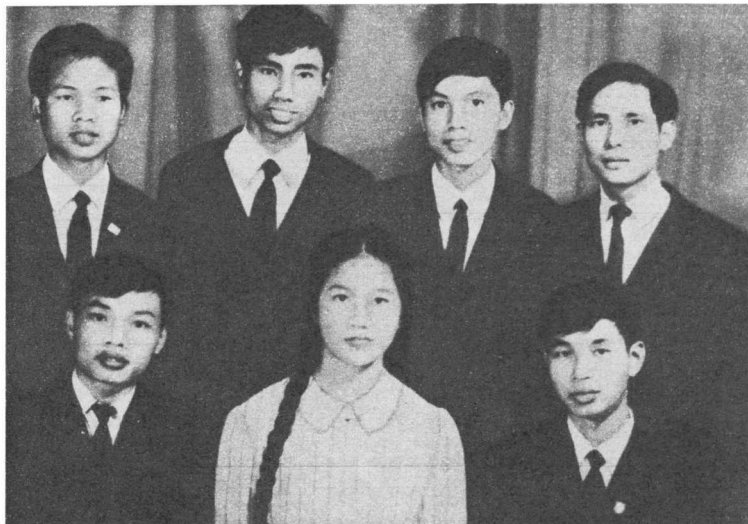
Стопка этих писем продолжает расти. С сентября прошлого года я снова в Москве, учусь в аспирантуре. Через два года буду защищать диссертацию. Темой моей научной работы — сублимационная сушка пищевых продуктов. Она имеет важное практическое значение для нашей

страны с ее влажным тропическим климатом.

Снова вместе со мной мои советские наставники и друзья. Они отдают мне свое время, свои знания. И я хочу через «Огонек» сказать им сердечное «спасибо!».

ЛЕ НГУЕН ДЬОНГ,
аспирант Московского
ордена Трудового
Красного Знамени
технологического института
пищевой промышленности

Этому снимку семь лет. Мы только что закончили подготовительный курс. Я — в первом ряду слева.

ПО ЛОЖНОМУ ОБВИНЕНИЮ

США

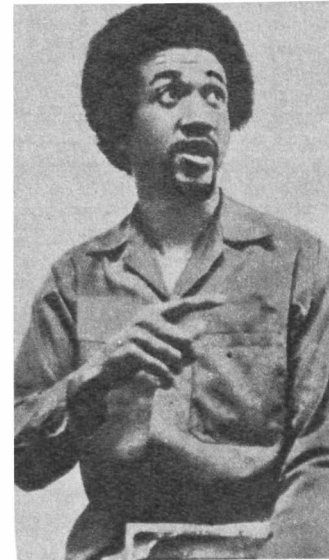
Широкие слои американской общественности протестуют против грубого подавления властями прав человека внутри страны, требуют освобождения политических узников.

Имя Ассаты Шакур, негритянской активистки, поэтессы и ученого, хорошо известно в США. Она работала преподавателем в Нью-Йорке. Однако это было почти четыре года назад. С тех пор пять раз Ассата предстала перед судом по ложному обвинению в «убийстве патрульного полицейского» и в каждом случае была оправдана ввиду необоснованности обвинений. Тем не менее ее продолжают держать в тюрьме и снова, в шестой раз, посадили на скамью подсудимых. У здания суда в Нью-Брансуике, где происходит сфабрикованный полицейской охранкой процесс над А. Шакур, состоялась массовая демонстрация протеста против попыток властей расправиться с активисткой движения за гражданские права. Тюрма Маккейн — одна из 77 тюрем штата Северная Каролина. Ничем не примечательное двухэтажное здание, стоящее на пустыре, вдали от населенных пунктов, при-

обрело в последнее время в США широкую известность. В этом застенке томится заключенный номер «320-М» — Бенджамин Чейвис, 29-летний негритянский священник, один из «уилмингтонской десятки» — группы борцов за гражданские права. Они брошены за решетку на основе сфабрикованных властями обвинений в поджоге бакалейной лавки в Уилмингтоне. В общей сложности они осуждены к 282 годам, в том числе Чейвис — к 34 годам тюремного заключения. Массовая демонстрация в защиту «уилмингтонской десятки» состоялась в Нью-Йорке по инициативе Национального союза борьбы против расовых и политических репрессий. Ее участники — белые и черные, пожилые люди и молодежь — потребовали от президента Дж. Картера выполнить данные им обещания не допускать нарушения гражданских прав в стране. Участники демонстрации заявили о своей решимости добиваться прекращения полицейских репрессий, преследования представителей национальных меньшинств, писателей, студентов, выступающих за осуществление на деле провозглашенных американской конституцией прав и свобод.

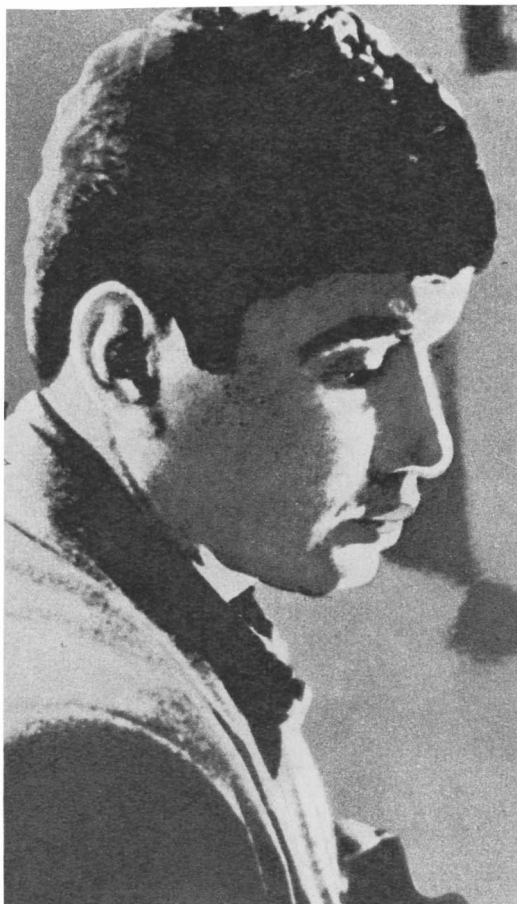
▲ Во время демонстрации протеста против судебной расправы над А. Шакур.

► Ассата Шакур.

▲ Бенджамин Чейвис в тюрьме.

Фото АП — ТАСС

ЧИЛИ

МЕСТЬ ХУНТЫ

На фотографии — известный чилийский спортсмен Рауль Чоке, чемпион мира 1972 года по подводному плаванию. В январе нынешнего года Рауль Чоке обнаружил в глубинах Тихого океана место захоронения жертв фашистского террора. Он опознал трупы чилийских патриотов, которых хунта объявила «пропавшими без вести». На самом же деле они были казнены пиночетовскими палачами. Чоке рассказал о своей страшной «находке», и это стоило ему жизни: несколько дней спустя 34-летний чемпион мира был найден убитым в своем доме.

Фото Пренса Латина — ТАСС

ПРОБЛЕМА ЧИСТОГО ВОЗДУХА

В капиталистических странах Запада не принимается надлежащих мер по охране окружающей среды. Это приводит к тому, что ежегодно в атмосферу выбрасываются миллионы кубометров ядовитых газов и миллионы тонн промышленных отходов поступают в важные водные артерии. Значительный ущерб причиняется также сельскому хозяйству: огромные площади земли, пригодные для обработки, оказались заваленными горами хлама и промышленных отходов, скапливающихся вокруг промышленных центров. Несмотря на многочисленные протесты, власти не принимают решительных мер против крупных монополий, которые, не желая идти на расходы по постройке дорогостоящих очистных сооружений, предпочитают отделываться незначительными штрафами и продолжают загрязнять окружающую среду.

На снимке: решение проблемы по-капиталистически: не желаешь дышать загрязненным воздухом — купи противогаз.

Фото из газеты «Юманите диманш».

ФРГ

ЯДОВИТАЯ ПЛЕСЕНЬ

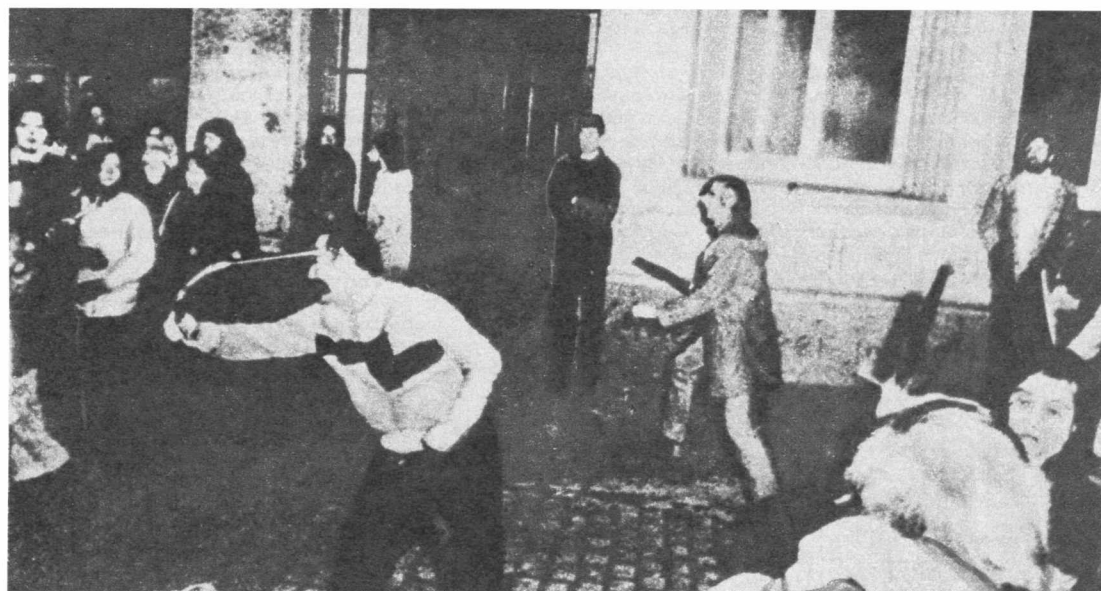
Тревогу прогрессивной западногерманской общественности вызывает существование в ФРГ неонацистских военизированных группировок. К их числу принадлежит, в частности, так называемая «военно-спортивная группа» Гофмана. Что она собою представляет, показали недавние события в городе Тюбингене, где молодчики Гофмана решили устроить антикоммунистический шабаш. Планы проведения провокационного собрания вызвали возмущение местных жителей и студенчества. Более 200 демонстрантов в указанный день со-

брались у студенческой столовой, где должен был состояться митинг неонацистов, и блокировали вход. Прибывшие неонацисты двинулись к входу в зал, но демонстранты сомкнули свои ряды, преграждая дорогу. С криком «За мной!» Гофман рванулся к кордону демонстрантов и выхватил из-под куртки металлический прут. За ним бросились его «боевики», на ходу вытаскивая деревянные и резиновые дубинки, металлические цепи, плети из проволоки, распылители слезоточивого газа. Вооруженные группы обрушили удары на безо-

ружных демонстрантов, сокрушая все вокруг себя. Сцена была страшная: перекошенные злобой лица и воинственный рев бандитов, взрывающиеся вверх и падающие на головы людей дубинки, залитые кровью лица, стоны раненых... Пострадали многие, а шесть человек пришлось срочно отправить в больницу на машинах «скорой помощи». Однако неонацистское собрание было сорвано.

На снимке: Гофман и его молодчики атакуют тюбингенских студентов.

Фото ТАСС

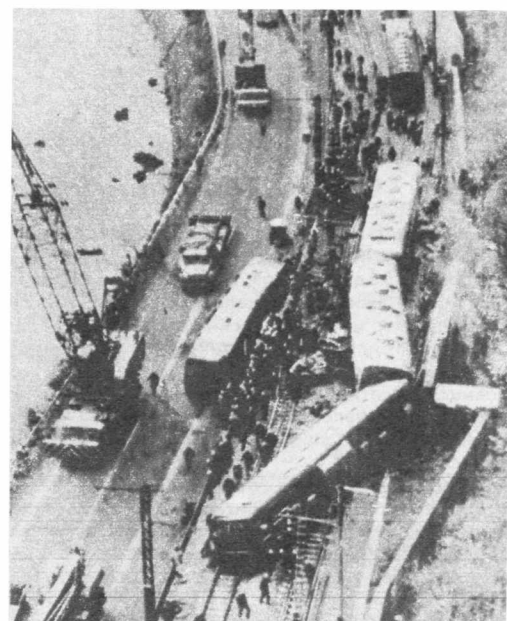
БРАЗИЛИЯ

ОБЕЗОБРАЖЕННАЯ КРАСОТА

Выхлопные газы автомобилей и чад из мусоросжигающих установок запылили «жемчужину Атлантики» — Рио-де-Жанейро. Если с моря не дует ветер, даже знаменитая «Сахарная голова» скрывается в полутьме смога. Восемь миллионов жителей и полмиллиона автомашин сгрудились на узком пространстве красочного побережья, где с трудом можно найти незастроенный участок земли. Трущобы разрастаются, как раковая опухоль. В одном из районов города — Рамосе — бидонвилей уже стоят на сваях прямо в море. Свыше 60 процентов населения Большого Рио не имеет в своих хибарах ни водопровода, ни канализации. А улучшения ждать неоткуда. Самой серьезной проблемой остается наплыв безработных, которые переселяются в города из внутренних районов страны. Люди из провинции надеются получить в Рио работу, еду, квартиру. Но по-

большой части не находят даже приемлемого жилья. Из жести и украденных досок они сооружают себе его подобие. Трущобы разрослись без какого бы то ни было плана настолько, что потребовались специальные самолеты, чтобы получить представление о размерах хотя бы одного из наиболее крупных пригородов. По данным аэрофотосъемки, население этих трущоб составляет два миллиона. Эти перенаселенные трущобы — настоящие рассадники преступности. Часто с гангстерами сотрудничают продажные полицейские. И тот, кто осмеливается выступить против этой мафии, может считать себя покойником. В Рио-де-Жанейро в 1976 году была убита тысяча человек.

На снимке: здесь ютится беднота Рио. Фото из журнала «Штерн».

ЯПОНИЯ

КАТАСТРОФА

Более 100 пассажиров получили ранения в результате железнодорожной катастрофы в Японии. Скорый поезд, следовавший из Токио в Ниигату, при прохождении горного участка натолкнулся на каменную глыбу диаметром до 4 метров и весом около 30 тонн, отколовшуюся от скалы. Состав сошел с рельсов, один вагон упал на 5 метров вниз, три других перевернулись.

На снимке: на месте катастрофы. Фото АП—ТАСС

Теплоход «Любовь Орлова» снимался со швартовых в 19 часов 00 минут. Мы покидали Владивосток. Белоснежный лайнер легко расставался с землей. Наверное, со стороны, откуда-нибудь с Первой Морской улицы или с Океанского проспекта, было похоже на то, как будто красивая гостиница, украшенная золотом огней, вдруг качнулась и острогожно поплыла в ночи.

«Любовь Орлова» проходила мимо стоящих на якорях лесовозов, насквозь пропитанных запахами дерева; мимо таинственно затемненных танкеров, молчаливых громадин-контейнеровозов, заставленных разноцветными ящиками с автографами американских, японских, австралийских фирм... Вот она, деловая поэзия Дальневосточного ордена Ленина морского пароходства, оснащенного самой современной техникой, пароходства, вымпелы которого развеваются по всем морям четырех океанов. Вспомнился недавний разговор с начальником пароходства Валентином Петровичем Бянкиным. Он рассказывал, как воплощается в жизнь

в сорок третьем остался без отца. Он был танкистом, погиб под Курском. Жил я во Владивостоке, так что море знакомо с детства. А работать начал на железной дороге. Окончил восемь классов и стал кочегарить на паровозе. Потом потянуло к морю. В пятьдесят восьмом с отличием окончил мореходную школу и был направлен в мореходное училище. В Дальневосточном высшем защитил диплом. Штурманское дело начал одолевая в должности пятого помощника на теплоходе «Русь», у капитана Владимира Сергеевича Мордвинова, его и считая своим учителем. Помню его любимое выражение: «Дайте мне звезду, и я обойду земной шар».

По комсомольской путевке меня направили в кадры пароходства. И через два года я вернулся к Мордвинову вторым помощником, уже на «Клару Цеткин». В 1973 году служил старшим штурманом на «Марии Ульяновой». Сейчас — капитан резерва, подменяю штатного капитана: он в отпуске. Что еще сказать о себе? Коммунист. Женат. Двое детей — дочь и сын.

Я уже знал, что Валентин Александрович не имеет «своего» судна. Знал и другое: не всем дано быть капитаном резерва, не всякий сможет каждый раз иметь дело с новым экипажем, с «чужим» судном. Капитан резерва должен обладать не только твердостью, но и тактом, держать открытой дверь капитанской каюты, а главное — в совершенстве знать устройство любого судна.

Я попросил Валентина Александровича обрисовать тип сегодняшнего моряка.

ЭКИПАЖ

Рейс нам предстоял недалекий — в порт Корсаков и обратно. Молодых, только начинающих морскую работу эта линия не прельщает. После первого рейса уже бегут в кадры, просят перевести на другое судно, идущее в океан, в дальнее плавание. Им хочется повидать свет, побывать в Сан-Франциско, заглянуть в Мадрас. Бывалые тоже не против романтики. Но, вкусив все прелести длинных рейсов, испытав тяжести долгих разлук, предпочитают все же задержаться на короткой каботажке, которая гарантирует им несколько дней береговой жизни в месяц.

Василий Иванович Скачик и Валерий Николаевич Колчанов — старпом и второй помощник — вместе учились в высшей мореходке. Потом судьба разбросала их по разным судам. Скачик на сухогрузе мерил Тихий океан, Колчанов на ледоколе крошил льды Северного. Встретились здесь, на «Орловой». Причина, видимо, одна — желание чаще бывать дома.

Пассажирское судно отличается от всех прочих не только повышенным комфортом, но и составом экипажа. На «пассажирах» много земных профессий, в особенности женских — повара, официантки, дневальные, бортпроводницы. И обыкновенная земная профессия здесь, на судне, вырастает в своем значении, требуя от человека особой, максимальной отдачи. Например, официантка судового ресторана не только радушно принимает гостей, но и беспокоится за каждого из них: не укачало ли?

М О Р С К А Я

Р А Б О Т А

решение XXV съезда партии продолжить на Дальнем Востоке развитие и реконструкцию существующих портов, обновление флота. Дальневосточное пароходство получило в прошлом году более десяти современных крупнотоннажных специализированных судов, а среди них и пассажирский лайнер «Любовь Орлова». Теплоход построен по отечественному проекту на югославской судовой верфи в Крапине. Он отличается от других пассажирских судов пневмоэлектрической системой управления: главные двигатели управляются прямо с мостика.

...Прощально мигал, провожая нас, маяк на острове Скрыплева. Капитан на мостике, заложив руки за спину, спокойно шагнул по ковровой дорожке. Я залюбовался далеким огоньком в море, сказал об этом капитану и услышал в ответ:

— Огонек? Не нравится он мне. Скорее всего это рыбацок, а с ними надо ухо держать востро. Для них главное — промысел, и порой они забывают, что в море, так же как и на земле, существуют правила движения.

Но вот впереди по нашему курсу не осталось ни одного огонька, и капитан В. А. Шулепов, отдав распоряжение вахтенному штурману, пригласил меня к себе в каюту.

КАПИТАН

— Давно хотел узнать: как становятся капитанами. Можно на вашем примере?

— Отчего же нет? — Валентин Александрович удобно устроился в кресле и начал свой рассказ. — Биография, типичная для многих моих сверстников. Родился в тридцать восьмом, а

— Это прежде всего эрудированный человек. Традиционный «морской волк» — грубый, простой, но мужественный — давно ушел с флота. Современные суда, обильно оснащенные автоматикой, потребовали нового моряка.

— Ну, а капитан? По-прежнему отутюженная белоснежная сорочка, благоухающая духами?

— Конечно: мы ведь на пассажирском судне. Но главное не внешность, а умение руководить, командовать, управлять кораблем. В океане за капитана думать некому. Так было всегда. Теперь к обязанностям навигационным, сугубо морским добавилась необходимость знания экономики, коммерческой науки. В заграничных портах мы представляем нашу страну, приходится иметь дело с торговым миром.

— Любимое место на судне у вас, конечно, капитанский мостик?

— Угадали, там и радости мои и беды.

— Беды? Часто они случались?

— Редко, конечно, но все же бывали. Запомнился случай на «Норильске». Старенькое судно, обреченное на списание, совершало свой последний рейс. Шли во Владивосток. В пути застал огромной силы тайфун «Френ». Думал было уйти штормовать в открытое море, но «Норильск» не выдержал бы силы тайфуна. Решил укрыться в бухте Ольга. Поставил судно на якоря. Но ветер и волны нас срывали с них. Не скрою, мелькала мысль: ради спасения пассажиров и экипажа выбросить «Норильск» на песчаный берег. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Мы выстояли. Только в тот раз, впервые за время работы на «пассажирах», я нарушил расписание, пришел с опозданием почти на сутки...

И если пассажир не появляется в ресторане, она навещает его, приносит обед в каюту.

На нашем судне, как и на других, услышишь словечки, прочно вошедшие в моряцкий лексикон: капитана зовут мастером, старпома — чифом, второго штурмана — ревизором, стармеха — дедом. Но есть такое прозвище, что не прижилось в экипажах советских судов: «дракон» — так раньше именовали боцмана. Не знаю, как к другим, но к нашему боцману это слово действительно не подходит. Двадцать лет работает на флоте кавалер ордена Трудового Красного Знамени Алексей Тимофеевич Полещук, и шесть из них — боцманом. Полещук — человек тихий, спокойный, но требовательный. Он не кричит, не устраивает разносов, а порядок на судне железный. На флоте говорят: «Хороший боцман на судне — у капитана гора с плеч». Мне казалось, что Полещук не покидает палубы. Проверяет крепление грузов, отдает команды уверенным, негромким голосом.

В этом рейсе я убедился: у каждого члена экипажа работа нелегкая и ответственная. И все они окончили специальное учебное заведение: кто профессионально-техническое училище при пароходстве, кто среднюю мореходку, кто высшую. Но университетом для моряка по-прежнему остается море, экзаменуемое экипаж каждый день, на каждой вахте, в каждом аврале...

■
До отплытия остаются минуты... * Капитан В. А. Шулепов.

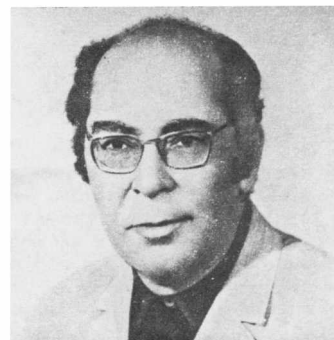

Абд ар-Рахман
АЛЬ ХАМИСИ

ПОЭМА

МОСКВЕ

Абд ар-Рахман аль Хамиси — один из виднейших современных арабских писателей, талант которого окреп в национально-освободительной борьбе египетского народа за свою независимость. Диапазон его творчества поистине многогранен: на Ближнем Востоке аль Хамиси широко известен как поэт, новеллист и драматург. Он один из создателей нового национального египетского музыкального театра. В последние годы его имя все чаще встречается и в кинодраматургии. Фильм «Цена любви», поставленный им по собственному сценарию, был представлен Египтом на Втором Ташкентском международном фестивале стран Азии и Африки и получил сразу три премии.

Аль Хамиси — большой друг Советского Союза, сторонник советско-египетской дружбы. Но недавние события заставили его покинуть родную землю.

1

Голос флейты
(а может быть, голос судьбы моей)
пел

о печали моей и надежде,
о мраке и свете,
пел о детстве, которого я никогда не имел,
и о юности, той,
что оплакана в самом расцвете,
об отчаянье, пламенем быющем наружу,
о том,
как стремительный шторм
изломал мои весла на части,
о моем одиночестве
в море соленом, крутом,
где звереют ветра
и трещат корабельные снасти.

Пела флейта о юности,
пьющей печали до дна,
об исчезнувших днях,
что текли среди зноя и жажды,
о ночах, проведенных без крова и сладкого сна,
о заре,
что потерянными ласково дарит однажды
шаль свою,
от которой в нелегком и долгом пути
излучается свет,
помогая дорогу найти.

Флейта пела о юности,
пьющей печали до дна,
и о взрывах вулкана в душе моей,
пела о боли
и о бунте тоски —
как оружием стала она,
об отчаянье,
ставшем цементом расслабленной воли.
И о море,
в сраженьях с которым я стал моряком,
вырывая у тьмы
молодые рассветные стяги.
Я бросался на копьё —
и волнам и скалам знаком
терпкий вкус моей крови,
настоянный солнцем отваги.
Мне по нраву,
по сердцу крутая стихия борьбы.
Стала боль моя флейтой надежды,
пьющей о чуде.
Я прошел этот путь,
ничего не прося у судьбы,
лишь бы завтрашний день
озарял вас,
хорошие люди!

Я прошел этот путь,
и мне дороги раны его —
эти тысячи жизней,
что встали отныне навеки,
знаменуя победу,
высоких идей торжество,
по обеим его сторонам,
как ярчайшие вехи.
И от имени всех,
кто в боях захлебнулся в крови,
от сынов моей родины,
живших на свете недаром,
о Москва,
ты прими эту песню глубокой любви,
что плеснулась
из самого сердца
чистейшим нектаром!

2

В горле флейты
душе распахнувшейся тесно.
Но весомо пульсируют в сердце слова,
и восходит широкая,
вольная песня

о тебе,
удивительный город — Москва.
Миллионголосая и молодая —
золотые мелодии солнцем полны —
поднимается к небу она,
утверждая
славный подвиг народа
великой страны.

О, несите в Москву,
ветры Африки милой,
поцелуй — на щеки ее и глаза,
всю любовь —
с неизбывной, ликующей силой,
что не сломит в пути никакая гроза.

Песня летящая,
как вешние в поле побеги.
В ней,
широко расправившей крылья свои,
все пути, все невзгоды мои и победы,
весь народ мой,
все боли его и бои.

И рубцы его ран,
что горят орденами,
и дома Порт-Саида, и море вокруг,
и набухшая кровью земля под ногами —
все в торжественном гимне воскреснуло
вдруг.
Синеокое утро со щебетом светлым,
и вечерней зари океанский поток,
и дорога,
и парус, истерзанный ветром,
с полуночной жизнью за хлеба кусок.

Не твоей ли рукой отодвинуты беды,
о Москва,
озарившая правду во мгле!
Раны города стали созвездьем победы,
что горит на его просветленном челе.

О Москва,
в непридуманной песне привета —
вся страна моя,
вставшая над темнотой
до небес голубым водопадом рассвета,
и поля,
что пшеницей звенят золотой.
И река среди древнего синего дола,
что как сердце
в ликующем теле жива,
города и заводы, поселки и села —
это все моей песни земные слова.

3

Крылья света над морем цветов
бьются птицей зари.
О волнующий свет,
ты мне многое нынче напомнил! —
как я с тьмою сражался, взывая к светилу:
— Гори!
чтоб живительный сок
до краев мою душу наполнил,
чтобы раны предательств
на теле усталом моем,
словно мать,
целовала заря в обновленной лазури.

Я пою,
и давнишняя боль порастает быльем
и дыханием флейты
становятся давние бури.

Ну, а песни —
мне с ними,
как с первой любовью, тепло,
и мечта улыбается,
ласковым чувством согрета,
и твое, о Москва,
озаренное славой чело —
самый яркий из символов
неугасимого света.
Ты весеннего ветра поток,
полнозвучный запев,
поднимающий ввысь, над Землею,
творца — Человека,
и встает Человек
и, рабочую робу надев,
зажигает в ночи
маяки небывалого века.

Крылья света над морем цветов
бьются птицей весны,
голубыми крылами
зеленый простор обнимая.
Континенты и страны
торжественно превращены
мановением крыл
в молодые сады Первомая.

В тех садах тени павших,
как спелые ветви, густы,
шелестят ветерки забывшихся
воспоминаний,
и сердцами героев
встают, распускаясь, цветы,
и веселые птицы
торопятся с восточкой ранней.
Праздник мира, весны,
и мечты, и труда,
клятва рук пролетариев,
слитых борьбой воедино.
И недаром Земля
этот праздник встречает всегда
в подвенечных одеждах
цветущего буйно жасмина.

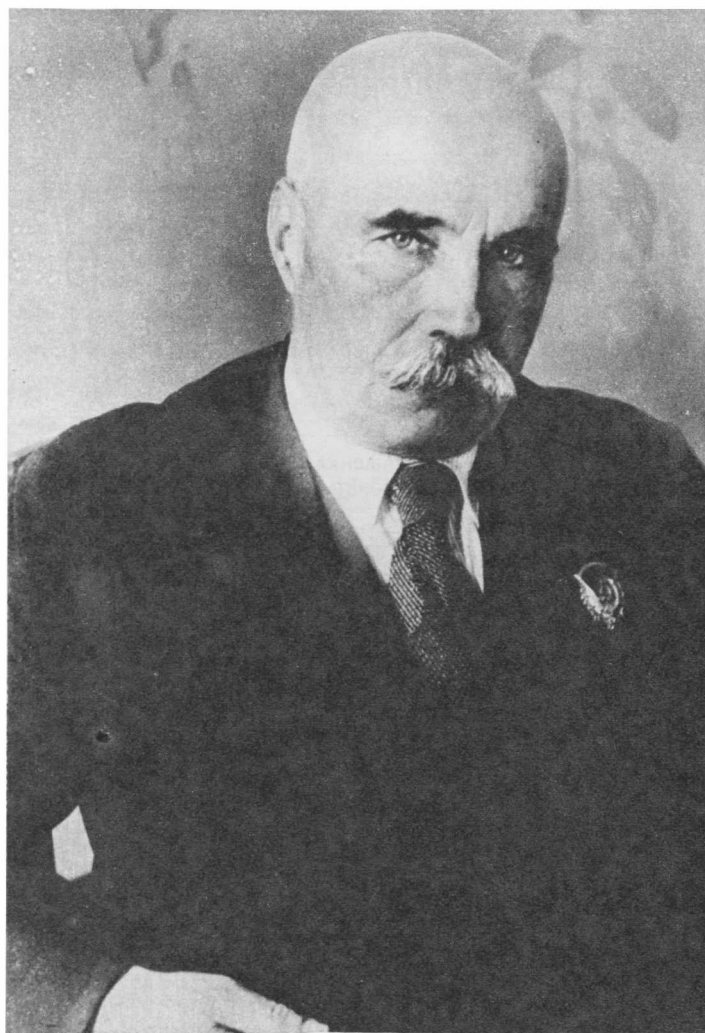
О Москва!
Ты — одна, но у каждого в сердце — своя.
И наследники павших,
плечисты и ясноголовы,
Твое имя над Африкой
стягом несут сыновья,
разрывая в куски
ненавистные людям оковы.

Сколько раз ты вставала из пепла,
невзгодам назло!
И недаром веками
глядит, изумляясь, планета
на твое озаренное вечною славой чело —
как на символ свободы
и самого яркого света.

И от имени всех,
кто в боях захлебнулся в крови,
от сынов моей родины,
живших на свете недаром,
о Москва,
ты прими эту песню глубокой любви,
что плеснулась
из самого сердца
чистейшим нектаром!

Перевел с арабского Юрий ПАРКАЕВ.

Центральный пост управления. * В пассажирском салоне уютно. * Пекарня на плаву. * Судовой ресторан. * Оля Беляева:
«В море можно купаться и под душем!»

ДВЕ

В архиве моего отца, писателя Алексея Силыча Новикова-Прибоя, хранится «жемчужинка» раннего периода его литературного творчества — рукопись под названием «Две песни», которая никогда не публиковалась.

Это маленькое произведение было им написано в 1913 году на острове Капри, где мой отец по приглашению Горького в течение года совершенствовал свое литературное мастерство в так называемой «наприйской литературной эмиграции».

Об этом очень интересном, но, к сожалению, до сих пор мало изученном периоде отечественного искусства, когда на далеком и крохотном итальянском острове в Тирренском море сосредоточился обширный круг представителей русской художественной интеллигенции и образовалась своеобразная кузница будущей советской литературы, пишет М. Горький в очерке «Иван Вольнов»: «Почти ежегодно приезжал Иван Бунин; мелькали Новиков-Прибой, Саша Черный, Илья Сургучев и еще многие. Собралось человек десять живописцев. Все это была молодежь говорливая, не очень стеснявшаяся в формах выражения своих ощущений и настроений, склонная «углублять психологию», разрешать «трагическую загадку бытия» и «проблему личности». Все были молоды, жили весело; все были очень бедны, но жизнь тогда была дешевой, и кисленькое наприйское вино тоже дешево... Жили интересами искусств и прежде всего литературы: все пробовали писать, читали друг другу рукописи, критиковали, спорили».

«Две песни» — это своеобразное стихотворение в прозе, отражающее настроение Алексея Силыча, его тоску по далекой Родине, которую он как революционер, преследуемый царской охранкой, покинул «по-темному» — в трюме торгового парохода — еще в 1907 году и эмигрировал за границу. Герой произведения Сергей — лирический двойник автора.

И. Новиков

I

Т

олько всего и было, что колыбельная песня, «простая» народная песня матери над засыпающим ребенком, в молитвенный час вечера. Только и всего, что песня. Но, как тяжкая тень в чутком зеркале, замерла она навсегда в памяти Сергея. И не раз в часы усталости и скорби пробуждалась отдаленным отзвуком прошлого... Было это похоже на засушенные, когда-то целованные, дремотные цветы. Только песня.

Незаметно-тихо, как закатный ветерок, влюбленный в ночную сирень, родилась песня. И как ветерок цветолобивый, повеяла сладкой и грустной лаской чего-то небывало доброго. Задышала сразу тем, что вечно грезится, что неумно-желанно и — что несбыточно. Далекая-далекая и близкая, как тревожный ропот сердца, песня.

За стеною Сергеевой комнаты молодая русская женщина пела песни своему ребенку. И каждый звук в этой песне был и стоном и улыбкой, так полна она любви была. Мать, светлая жрица вечной жизни, носительница творческого пламени бытия, изливала свою тоску души. Трепетала, как ушибленная птица, материнская скорбь в словах старых, издавна печальных, как родина ее, сложившая эту песню. Были слова полны и тяжелы, словно налиты были вековечным горем, давними болями и жаждой. Билась горько в этой песне и древняя могучая тоска по царственному солнцу, и безнадежно унылая жалоба — рано умирающего, и робкая, страдальческая мольба скованного, и надрывный стон заблудшего в невылазной тайге беглеца...

В сумерках, окутавших комнату трауром, гре-

24 марта исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского писателя Алексея Силыча Новикова-Прибоя.

Вершина творчества Новикова-Прибоя — историческая эпопея «Цусима», в которой воссозданы картины похода и гибели 2-й Тихоокеанской эскадры возле острова Цусима в русско-японскую войну 1904—1905 годов.

Рассказы и повести Новикова-Прибоя вошли в золотой фонд русской морской литературы, обогатили ее эпизодами классовых битв на флоте, образами революционных матросов и передовых офицеров.

Остался незаконченным большой роман писателя «Капитан I-го ранга», над которым А. С. Новиков-Прибой работал до конца своих дней.

КНИГА ВМЕСТО ПРОФЕССОРА...

Много лет наследники А. С. Новикова-Прибоя берегут старинное издание. Это рубанинская «Среди книг». Экземпляр отлично сохранился. Под увесистой крыш-кой его переплета начертано: «Дорогому собрату и соратнику А. Новикову-Затертому на добрую память от книжного червя. Н. А. Рубакин».

Как будто из черточек собранные, строки эти не датированы, да и обстоятельство, в которых они писались, мало изучены. Разве не ставит в тупик биографа Новикова-Прибоя отсутствие сведений о целом периоде, когда недавний простой деревенский парень, обладающий, правда, недюжинной тягой к знаниям, выступив печат-

но против ненавистного русского царизма, вынужден был скрываться за границей. И как получилось, что шесть лет спустя на Родину он вернулся сформировавшимся уже писателем? Где «скрытая пружина» такого его роста?

В комментариях здесь нуждается многое, начиная, пожалуй, с начертанного Рубаниным на подарке имени. А заимствовано оно из публикаций свидетеля цусимской катастрофы, так подписавшего две свои изданные в 1907 году книжки: «Безумцы и бесплодные жертвы» — А. Затертый (бывший матрос) и «За чужие грехи» — Бывший матрос А. Затертый.

Автор обеих, тотчас же по выходе конфискованных, книг продолжал революционную работу на судах русского флота за рубежом, и власти немало дали бы за возможность надеть на него цепи каторжника.

«Я был вызван за границу одним моим приятелем с определенной целью — вести работу на кораблях, строящихся во Франции и

Англии, — писал он Н. А. Рубанину, познакомился с которым еще в Выборге (Финляндия) на квартире ученого и популяризатора в конце 1907 года. — На одном из них — я пока не буду называть его — мы вдвоем занимались с матросами в продолжение четырех месяцев. Можете себе представить, что мы сделали за это время. Мы поставили там такую прочную организацию, какой до сих пор не было ни на одном корабле во всем флоте. Матросы, пользуясь свободой, посещали наши квартиры ежедневно. Мы постоянно читали им рефераты; вели с ними частные беседы, во время которых была возможность распознавать людей... То, что я Вам сообщил насчет военной работы, пусть пока будет известно только Вам».

О первой встрече Новикова-Прибоя с Н. А. Рубаниным рассказывал наш современник, профессор А. Н. Рубанин, автор мемуаров «Лопман книжного моря». А вот свидетеля продолжающейся дружбы нам помогла найти книга, хранящаяся у Новиковых. Дело в том, что в

Ш Е С Н И

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. НОВИКОВА-ПРИБОЯ

зил одинокий Сергей. Перед усталым его взором тянулись угрюмой вереницей давние и недавние разочарования, развеянные надежды, загашенные жизнью гордые замыслы и намерения поникшей юности. Налегли на душу огромные черные крылья ночи, грустные, безвыходные думы. Сердце боязливо и покорно сжималось в страхе и беспомощности. Темь густая оступывала грядущее. Одиноким и сирым был Сергей в сумерках. И вот задрожала-зарыдала за стеной песня. И приблизилась к нему, как участливый, все понимающий друг, ее горячая, властная нежность. Будто бережными тонкими пальцами медленно смежила глаза. В теплое и мягкое веяние укутала сердце. И казалось, что ему, Сергею, ему поет за стеной мать, как в детстве. Казалось, что его баюкает добрая мать. Стало тише кругом, все прислушалось, тянулось к песне. Пела женщина.

И забылся он. И почудилось, вошел кто-то неслышными шагами в его комнату — светлый, большой, сияющий, — протянул руки и бережным прикосновением легко погладил лицо. И наклонился над Сергеем и заговорил ясным, бодрым и приветным голосом: «Брат мой, не плачь. Издалека пришел я к тебе. Из края восторга и света пришел я. Я принес тебе завет жизни: живи! Живи! Ты знаешь печаль и томление. Ты знаешь тьму и боль. Но радостны пути будущего, но ждут впереди многосветные дни счастья. Упадут ветхие одежды усталости и хмури, раскроются туманы убожества и мук и развернется мир весенним пламенем, вспыхнет певучим заревом воли... Близок блаженный день. Шумят ветры, кровавятся зори, поют реки и моря весть о будущем. Не грусти...»

Пела мать. За стеною исходила слезами и звуками обделенная на празднике жизни душа. Струилась тихо, несмело задушевная мелодия, то вдруг непокорно вздрагивала ропотом и буйными вскриками, точно за стеною кто-то сильный корчился в смертных судорогах, то слабо замирала, медленной текла, будто уставала от непосильной, цепкой боли. Хлопала белыми, в пятнах крови крыльями, надломленно звала на помощь чью-то родную душу, томилась песня матери... И думалось: «Русская песня, унывая русская жалоба, в которой, как раненый сокол, трепещет пленная удаль, охмеленная неоглядными ширями и скванная кандалами. В ней мятежно растут степные зовы, алеют молодые зори, но — горькое бессилие обнимает ее, душит. И нет воли. Нет воли песне... душе... жизни».

Пела мать над ребенком. Близкой и знакомой, как сама сырая темная земля, была тоска ее. Вспоминалась прошлая жизнь, и была она маленькой, бескрылой, пугливой. И не было в ней творческого пламени, озаряющего дни. Неудачной и тускло-ровной была она теперь в свете песни. Длинной и скучной, как неохватная русская степь, и такой же безнадежно-

пустынной, и такой же нелюдимо-огромной и убогой. А сердце просило-просило счастья, хотя бы на краткое мгновение, на час яркого счастья. Просило сердце, как милости, радости, бурного смеха, солнечного звона, разгула — один раз, только один раз в жизни. «Господи, господи, бедный я, бедная Россия... Одна скорбь, один стон...» — молились уста. Замер Сергей так до утра...

Укоризненно глядела в окно седая схимница-ночь, и, как ее темный, суровый взор, было все вокруг чуждо и горестно.

Росла тяжким сводом жесткая тишина. Плакал этой ночью Сергей. Над целым миром плакал — над собой, над родиной, над матерью за стеною. Жизнь оплакивал он...

Оборвалась внезапно эта песня. Погасла вдруг, захлебнувшись в слезах. И протянулась надолго тишина, проникнутая отзвуками песни. Вероятно, ребенок заснул, и мать, любовно перекрестив его, отошла к окну и вгляделась в чернеющую даль...

Только и было, что колыбельная песня.

II

Были другие дни. Яркие, сочные золотом полдневного Солнца, дни смелых радостей. Другой мир. В древнем среднеитальянском городке, где все мирно и спокойно, точно устало от веков смут, где голубино-нежная небо и страстные, веселые цветы рядом с ветхими руинами, в час летнего вечера, в тишине пурпурного заката, услышал Сергей иную песню. Однажды вечером...

В дни расцвета счастья. Однажды вечером, так же как тогда, в скорбной России, грезил он одиноко в комнате у открытого окна. Отрадный был час, и пели в груди светлые птицы. Сияла жизнь радугами надежд, благоухала редкими цветами. Так было... За стеною его комнаты пела итальянская женщина над колыбелью ребенка. Это была песня «другого порядка», другой жизни. Плотный бархатный голос густо искрился мягкими звуковыми лучами, как теплым светом. Словно свежий, долго искавший выхода из недр земли, только что пробившийся ключ кристальной влаги, лилась сладостная мелодия. Отважной, горделиво-полной и широкой страстью дышал в ней каждый тон. Жгучей зрелой радостью, и хвалой жизни, и блаженным восторгом, и нежной, трепещущей рубиновым блеском, благодарностью души переливалась каждая дрожь песни. На чужом языке пела женщина, но так изумительно проста и прекрасна была песня, так трогательно-ласкова и светла, что все в ней было понятно. Каждый звук, каждое слово были полны высокого и ясного смысла. Неотступно-родное и вместе с тем что-то небесное — новое, радующее и волнующее — почуял вспугнутый Сергей.

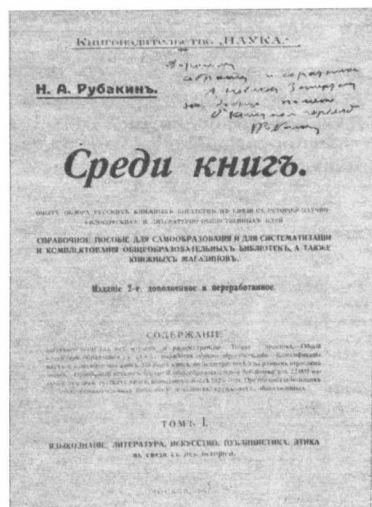
В песне чужого края славилась легко и улыбочиво великая заботливая жизнь, щедрая, теплая, милая земля, возлюбленная света, славилась материнская участь, родная счастьем. Пела женщина о полях, на которых почивает ласка лет, о морях, на которых ее братья, загорелые моряки, правят гордые пути. О блаженстве жизни ликовала песня. О чем же было петь матери в стране, которую особенно дарит Солнце, где века веков с исключительной любовью изо дня в день дышит солнечное богатство... — она пела о том большом и сильном, что теперь осияло жизнь Сергея. Точно знала мать о его счастье. Хотелось пойти к ней, пожать ее руку, заглянуть в ее большие глаза итальянки, поблагодарить ее за то, что она выросла под заботою Солнца, за то, что красив ее голос, за то, что рада она жизни, за родину ее, за песню ее, за эту хвалебную молитву ее юношеского сердца благодарить...

И вспомнил нежданно Сергей другой вечер, когда другая женщина пела, тот вечер, когда запала ему в душу печаль отчизны. Как непохоже, как разное. Там рыдала мать над сыпавшим ребенком, здесь радовалась сама жизнь... И мучительным, черным призраком встала перед глазами далекая Русь, нищая, серая, согбенная, заплаканная... Неумные дали под хмурым, тягостным небом. Неутолимой скорбью веет. Стонет ветер бездомный по степям, лесам, рекам. Несется по топким дорогам долгая-долгая жалоба... Угрюмая, размахнулась без конца-границы Русь — и на бездольной шири своей зарыдала нескончаемо.

Стояла призраком дальняя родина. Простирала изнуренные руки в мольбе... Глаза ее, полные слез, звали в смутной надежде, влекли непобедимо... И заплакала душа Сергея, как обиженный ребенок, забила страшно и жадно. Одиноким, сиротливым стал вдруг и понял тоскливо, что он на чужбине, далеко от родных и милых. И все, что еще так недавно ликовало в груди, сделалось пустым, ненужным, странно чуждым. Вернулась давняя грусть, и молодое счастье склонило пред ней голову.

А женщина все пела. Еще тверже и увереннее звучал ее голос. Еще звончей и зреее звенел в нем великий свет радости... Темнело. Сергей закрыл окно. Слушал в темноте. И в объятиях звуков, пропитанных золотом зноя, запахом цветов и моря, думал он о той русской матери, что в ином краю, в иное время пела иную песню своему ребенку... Были чужды, были незнакомы их песни, но что-то единящее, что-то родственно-желанное, одно что-то неуловимо близкое было в них...

Может быть, и в этот вечер за тысячами верст, за морями, за горами та женщина, как тогда, сидела над колыбелью и пела... И грустно думалось: «Два конца, два мира, две песни...»

1948 году доставлен из-за рубежа огромный архив Н. А. Рубакина. В недрах этого знаменитого «фонда РБ» отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина обнаружена переписка Н. А. Рубакина с Новиковым-Прибоем: 25 писем и открыток последнего и 10 писем ответных, вернее, их машинописных копий. Письма сохранились не полностью, однако они весьма обогащают познания о заграничном периоде жизни и работы безвестного, «затертого» в эмиграции литератора-самоучки. Главное, переписка убедительно подтверждает: не вдруг, не в несколько лет создана великодушная «Цусима». Эта книга — дело всей жизни писателя, который готовил себя к ее созданию, как и подвигу. Полную еще не высказанных впечатлений душу различил в нем Рубакин; его научно-популярные брошюры, указатели, списки, просто рекомендации заменили будущему автору «Цусимы», по его словам, «хорошую школу».

Обратимся хотя бы к письму Алексея Силыча 1908 года. «Жду

от Вас, — напоминает их автор Н. Рубакин, — ответа и книжек...» Далее, в письме 1909 года: «Большое спасибо Вам за карту и за обещанные книги». Заглянем в написанное в 1910 году: «Очень благодарен Вам за присланную газету с Вашими статьями о самообразовании. Я их прочитал с большим удовольствием. Прочитал по этому же предмету и все то, что Вами было напечатано в «Новом журнале для всех» за прошлый год. Говоря откровенно, я очень рад, что Вы взяли за такую работу. Лично я придаю этому большое значение. Думаю, что такого же мнения будет и всякий, кто стремится к свету знания. А таких людей много, очень даже много. Но вся беда их в том, что они не знают, что читать, как читать и куда обратиться за советом... Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что, читая книги по Вашему указанию, можно за один год приобрести знаний больше, чем в другом случае за целых десять лет».

В том же 1910 году А. Новиков-Прибой запрашивает: «Я с боль-

шим нетерпением жду, когда Вы пришлете мне Вашу книгу — руководство для самообразования. Для меня такая книга — клад. Вышли же». Он имеет в виду, конечно, второе издание «Среди книг»; первое у него, по свидетельству близких, уже имелось. В письме от 1 мая 1912 года читаем слова признательности за долгожданный подарок: «Шлю Вам свое сердечное спасибо за Ваш драгоценный для меня подарок — «Среди книг». Не нарадуюсь я, перелистывая книгу. Сохраню ее на всю жизнь. Она будет для меня лучшим советником по части чтения. Мало того, с помощью ее я сумею сделать указания по выборке книг и своим товарищам — матросам, солдатам, рабочим и крестьянам, которые больше чем кто-либо нуждаются в этом».

«Для меня, — откликаясь начинающий А. С. Новиков-Прибой, — эта книга будет вместо профессора. С ее помощью я до всего доскоблюсь...»

С. БАМДАС

ВСТРЕЧИ С НОВИКОВЫМ- ПРИБОЕМ

Впервые я увидел Алексея Силыча Новикова-Прибоя в январе 1930 года в моем родном селе, когда он гостил у моего отца Максима Ивановича Воеводина, о котором Новиков-Прибой писал в романе «Цусима».

Отец известил меня, что к нам приехал Новиков-Прибой. Двадцать верст пешком по морозцу — и я дома. Не без робости вошел в горницу, где работал Алексей Силыч. Он встал из-за стола, поздоровался и заговорил со мной так просто и душевно, что мою неловкость как рукой сняло. Он попотчевал меня московскими гостинцами и подарил свою повесть «Ералашный рейс». Эту первую и последующие книги с дарственными надписями я берегу, как самую дорогую память о выдающемся писателе и друге моего отца.

Бывший баталер Новиков и боцман Воеводин с броненосца «Орел» возвратились из плена в марте 1906 года и, обменявшись адресами, распрощались.

За участие в переходе второй русской тихоокеанской эскадры из Балтийского моря на Дальний Восток и за бой при Цусиме мой отец был награжден Георгиевским крестом IV степени и двумя медалями.

В конце августа 1906 года отец получил письмо от В. П. Костенко, выведенного в «Цусиме» под фамилией Васильев. Он писал, что будет у Алексея Силыча Новикова, а затем хотел приехать вместе с ним к нам, в село. Отец прочитал письмо только в сентябре, когда вернулся с уборочной.

А. С. Новиков-Прибой и М. И. Воеводин (за столом в центре) на заводе «Шарикоподшипник». 1934 год.

Срок встречи и ответа уже истекли, а письмо, посланное в село Матвеевское, не застало там ни Костенко, ни самого Новикова, который был вынужден покинуть срочно дом, а затем и Родину — связь оборвалась на долгие годы. Только через двадцать лет мой отец разыскал писателя А. С. Новикова-Прибоя, и у них восстановилась переписка.

В 1928 году Алексей Силыч прислал письмо отцу с просьбой написать свои воспоминания о походе второй русской тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении. Уже осенью отец выслал рукопись Алексею Силычу, а в декабре получил от него открытку, в которой Новиков-Прибой писал:

«Дорогой Максим Иванович! Большое Вам спасибо за гостинец. Очень жаль, что не могу к Вам попасть в село. Подсобил бы я там литературный материал. Рано или поздно, а все-таки приеду к Вам. Если будете в Москве, обязательно заходите ко мне. Буду очень рад повидаться с Вами. Скоро у меня выйдет новый морской роман «Соленая купель». Вышлю Вам немедленно. Спасибо за рукопись о Цусимском бое. Воспользуюсь ею обязательно. Жму руку А. Новиков-Прибой. 24.XII—1928.

Верный своему обещанию, Алексей Силыч в январе 1930 года приехал к отцу. Вдали от городской суеты, в тихом заснеженном селе он продолжал отрабатывать написанные и писать новые главы своего большого романа «Цусима».

Не один зимний день и вечер

бывший баталер и боцман броненосца «Орел» вспоминали давно минувший поход эскадры и цусимскую трагедию. Память у отца была хорошая, и он подолгу рассказывал, что происходило на верхней палубе и в трюмах во время боя, как ложились неприятельские снаряды и гибли люди и корабли. Отец возглавлял команду трюмно-пожарного дивизиона, на долю которого выпало самое страшное, что можно было видеть во время сражения.

Несколько недель трудился писатель у нас в селе. В это время отец получил письмо от бывшего старшего офицера броненосца «Орел» К. Л. Шведе. Радости Алексея Силыча не было границ. Ему очень хотелось повидаться со Шведе и поговорить об офицерах «Орла» и командующем эскадры.

Вскоре Алексей Силыч начал собираться уезжать. На просьбы отца погостить еще он ответил, что пора домой, а затем в Ленинград к Шведе.

* * *

Не забыть мне встречу, когда к отцу приехали А. С. Новиков-Прибой и В. П. Костенко. Вспоминали они последние дни пребывания в японском плену, когда в Нагасаки приехал доктор Руссель-Суэзловский проводить их на Родину и передал нелегальную литературу Алексею Новикову для распространения среди матросов. Получил эту литературу и мой отец.

Как все же удачно получилось, что они благополучно провезли этот опасный груз через весь Дальний Восток и Сибирь в то время, когда там обыскивали все эшелоны каратели.

Алексей Силыч рассказал о тяжелой жизни в эмиграции и большой работе по пропаганде революционных взглядов среди русских моряков строившегося тогда крейсера «Рюрик» и других кораблей, проходивших через европейские порты. Костенко направлял эту работу и давал сведения о предстоящем прибытии кораблей.

Отец вспомнил о том, что в начале 1908 года к нему в село приезжали жандармы и допытывались, не знает ли он матроса Затертого и место его пребывания. Фамилия ему эта была знакома, так как он посылал несколько писем в Финляндию Алексею Силычу. Жандармы уехали, ничего от него не добившись. Отец долгие годы не мог понять причину этого визита. Алексей Силыч разъяснил, что это было связано с нелегальным выходом в 1907 году очерка о Цусимском сражении — «Безумцы и бесплодные жертвы», подписанного псевдонимом «А. Затертый (бывший матрос)». В очерке были указаны истинные фамилии моряков, в том числе значился и боцман Воеводин. Когда книга была конфискована и изъята из продажи, начался розыск ее автора. Вот жандармы и стали допрашивать людей, упомянутых в очерке.

* * *

В январе 1944 года я заехал навестить Алексея Силыча. Он сильно осунулся, а глаза еще больше ввалились. Чувствовал он себя нездоровым и считал свое положение более серьезным, чем пытались внушить ему врачи.

Он сказал, что собирается поехать на Урал, встретиться там с читателями и немного развеяться.

Поговорив о жизни, войне и приближающейся победе над фашистской Германией, я попрощался с Алексеем Силычем, но не думал, что вижу его в последний раз.

К. ВОЕВОДИН

Николай БЫКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА

М

еста за Волховом пошли дремучие. Иногда лес сменяло хилое мелколесье, но и тогда под пологом зимнего неба угадывались угрюмые болотины. Солнце вроде бы повернуло на лето, но здешнее небо низкое, оно сыплет мокрым снегом, и никак не отделяется от пушкинской строки о тьме лесов и топи блат... Наверное, близкий Север виноват, что так легли на душу картины окрестностей древнего Тихвина. Говорят, по лесам спят барсучишки, лоси табунаются, да отошавшие волки бродят круг деревни в поисках незнамо чего. Местный охотник недавно рассказывал о случае на шоссе: умело маневрируя мощным лесовозом, шофер где-то за Кривым Порогом сумел настичь волчицу... Вот где лежат уголья известного в стране совхоза «Тихвинский».

...Они шли не торопясь, тяжело и тесно. Будто не прогулка, а недоброе дело затевалось. Чуть было не вырвалось: «Что это?» Шли на прогулку племенные хряки. Тяжелые, клыкастые, изжелта-серые, с огромной свалывшейся щетиной. На вид, в общем-то, достаточно свирепые. Сопровождала компанию женщина с хворостинной. Через полчаса хряки (и свинарка за ними следом) прошествовали в обратном направлении, между двух больших свинарников, где покоились огромные махи со своими выводками. Поросята в основном кучились под лампами обогрева или резвились возле кормушек. И вдруг их что-то останавливало, они замирали трогательно серьезные — чуяли, что за стенами, там, где снег и ветер, что-то происходит. А происходило каждый день одно и то же: хряки шли на прогулку.

Я спросил у Марии Григорьевны,

МАР

не страшно ли работать с такими бронебойными животными? Она рассмеялась:

— Да они смирные. Хотя, конечно...

И чего-то не договорила. Потом снова и снова показывала своих нежных подопечных:

— Вот они, мои мазурики! Вот маленькие... Ишь, любопытно им, кто пришел да что такое выспрашивает...

А выспрашивал я у Марии Григорьевны Осиповой подробности жизни ее в Сароже, работы в совхозе, на ферме. Мария Григорьевна, по всему видно было, удивлялась такому неожиданному интересу к ее работе, к ее «мазурикам». Дело в том, что в будни свинарки ворвался вдруг праздничный гул: поздравления, речи на митингах и собраниях, телеграммы, наезды людей с фотоаппаратами и микрофонами. И все после указа о присвоении группе ударников девятой пятилетки высокого звания Героя Социалистического Труда. В списке есть имя и Марии Григорьевны Осиповой. Ее имя. И вот теперь такой вполне естественный интерес к ее жизни, к ее работе.

С чего все началось? Была песня. Самое начало — песня.

«Пятьдесят поросят, на всех хвостики висят», — баюкала мама. Хорошо на печке. Только тесно: брат, сестренки... Маша пятая. Пятеро их у матери. Пятеро, а отец умер. Раны замучили, свели в могилу. Пришел с войны Григорий Миронович искалеченный, с осколками в немолодом теле. И вот похоронили отца — догнала война. Их у матери осталось пятеро — старшей тринадцать, младшей полгода.

«Пятьдесят поросят, на всех хвостики висят»... На печке тесно только сначала, а когда заснешь, то хорошо, вольготно. Лес-то большой, поляны раздвигаются. Бери хоть грибы, хоть ягоду. Клюква, брусника, зайчики шустрят солнечные по траве, столам, а рядом и живые. И вдруг выскочат полосатенькие уморительные кабанчики, за ними белые-белые деревенские и уже большенькие подвинки. «Пятьдесят поросят, на всех хвостики висят!..» Пятьдесят. Тесно на печке. И жарко. Так жарко!..

Мария Игнатьевна, оставшись

Герой Социалистического Труда М. Г. Осипова.

ИЯ, ДОЧЬ МАРИИ

вдовой, одно держала в голове — детей выходить, всех пятерых. Выходить, на ноги поставить. Другого ничего слышать не слыхала. А как это сделать? Как когда-то ее мать шестерых выходила? У нее-то была опора, отец жив-невредим вернулся с японской. Мама Мария Игнатьевна и теперь утверждает, что помнит, как вернулся отец, хотя ей было два годика, но вот ведь помнит большую серую папаху, каких в деревне никто не носил. Папаху проплыла над крыльцом, над нею, маленькой, двухгодовалой, и нахлобучилась на старшего братика Андриюшку, который в те поры нянчился с Марией Игнатьевной. Теперь у нее другой Андрей — внук, школьник, который всегда просит на ночь старую сказочку: «Пятьдесят поросят, на всех хвостики висят».

А нестерпимо жарко на печи в детстве было еще и оттого, что Мария Игнатьевна, делая всегда сразу три дела, взялась еще и хлебы печь. Да, она дояркой какое-то время была, но главное — на конюшне: взамен Григория Мироновича стала конюхом. Это днем. А по ночам хлебы пекла. И на колхоз, и себе, и для сельпо. Крутилась, бегала, рук не покладала. И всюду успевала.

— Один раз только, не помню как, заснула, сгорели мои хлебы, — вспоминает мать Марии Григорьевны. — И еще был случай. Пошли на пожню, я торопилась всегда, мне разгудкой идти неколи, и вот убежала вперед баб, да присела, да прилегла... Они потом настигли меня, тревожить не стали, пусть, мол, Марьюшка охолонет, остынет после своей печи. Я и проспала, опоздала на пожню...

Едва кончила Мария восьмой класс — сразу на ферму. Мать сокрушалась, как узнала, что Машеньку колхоз не просто послал в коровник, а поставил учетчицей молока. Вот где беда таилась! Молоко спрашивают с доярки, а где тогда было его взять, условий никаких — ни кормов, ни оплаты, ни интереса. А план отдай. Долго ли девочку сбить, плохому научить. Материнское сердце обмирало: смотри, доча, гляди, Машенька, чтобы все по совести; бабы, они тоже разные, не слушай дурного, пиши, как есть, а не то пропадешь...

Не пропала доча. Так в колхозе и задержалась. Сын Володя и все три девочки покрутились-покрутились в колхозе-то, в силу возости и подались, как многие из Сарожи, в город. А Маша что, хуже других? Ничем не хуже. Ладная, силы набралась и в колхозном коровнике и дома со скотиной, с огородом управлялась, а вот поди, не уехала от матери. Осталась. И радостно Марии Игнатьевне за нее, и боязно чего-то, и перед состарившимися так быстро подружками неловко: или Маша-то хуже других? Чего тут ждет?... Мать понимала: хорошего не дождется, а тут еще беда страшная, тяжелая, не выжить после такой: осталась дочка без мужа — убило током его. Совсем Маша затихла, только пуще прежнего работает, крутится. Как мать всегда крутилась, — ну-ка, подумай только, в двадцать лет вдова с ребеночком...

Шесть лет ходила Мария Григорьевна в доярках. Потом сооб-

щили, что восемь колхозов собирают в один большой совхоз «Тихвинский». Сколько разговоров, волнений, сколько непонятного и всем очевидного: больше работать за копейки мочи нет. Да и некому. На ферме старухи да одна-разъединственная комсомолка Маша, дочь Марии Игнатьевны.

Стала лесная деревня Сарожа одной из бригад совхоза. Пересмотрели ученые люди поля, севообороты, перетасовали фермы, решено было коров в одно место собрать, в другом заняться свиноводством, наладить племенное дело. Интереснее стало. Одно озадачило: коров из Сарожи угнали, а вместо них пригнали свиней. Ничего не поделаешь, тут дом, мать, тут судьба. Мария Григорьевна осталась. Почему «осталась»? Просто жизнь к ней повернулась новой стороной, незнакомой гранью, а она-то всегда здесь была, дома, с мамой.

Совхоз скоро силу набрал, его примечали, зауважали и в Тихвине и даже в Ленинграде. Поля вскоре новые дали, и план, и средства к развитию. Повезло сразу с агрономом! А теперь она, агроном-то, стала директором. Это Тамара Константиновна Васильева, защитившая на полях совхоза свою диссертационную тему насчет способов возрождения плодородия.

А Маше пришлось изучать дело воспроизводства племенных свиней. Безотказная в работе, добрая от природы и с нерастратленным сердцем, Мария Григорьевна вся отдалась новой профессии. Авторитет матери-труженицы обязывал. Деятельная с детства натура подгоняла, лишала покоя.

— Да отступись ты, Машенька, всех дел не переделаешь, неужто больше других тебе надо?..

И так говаривали добрые люди. Не отступилась, вся ушла в заботы о своих «мазуриках». «Пятьдесят поросят, на всех хвостики висят!..» А у нее было двадцать, потом тридцать свиноматок — у каждой по десятку, а то и больше поросят. Потом надумали ранние опоросы получать не в свинарнике, а в летнем лагере. В отдельных шалашах-коттеджах размещали супоросных маток. Хряки постоянно на прогулке до леса и обратно, а чем же свиноматки хуже? Наука предложила, и Мария Григорьевна не последнюю роль в новшестве сыграла — взяла на грузку в пятьдесят свиноматок!

К тому времени ее уже приняли в партию. Потому что всегда работала и в охотку и сознательно. Что с того, что отроду скромная! Скромность делу не помеха. Да и жить стало как-то светлее. Мама здорово помогала, домашние заботы в основном взяла на себя. Пришли заработки, как городские, надежные. Машу и всегда-то все любили, уважали, а тут совсем рядом оказались умные, знающие люди: Александр Александрович Кукушкин («Наш Сан Саныч!»), зоотехник Петр Федорович Кашметов («Наш первый учитель, это от него все по науке пошло!»), бригадир Лидия Ивановна Калинина («Моя вторая мать, правда!»), животновод опытный, кавалер ордена Ленина и Октябрьской Революции. Заместитель директора, тогдашний парторг, Михаил Иванович Зуб-

В детском саду совхоза «Тихвинский».

Битва за урожай начинается зимой.

Чаепитие — семейный ритуал.

Кукольный театр приехал...

Будущие агрономы «растут» в школьной теплице.

ков дал рекомендацию в партию. Хорошие люди всегда были рядом. А теперь еще один хороший человек рядом оказался. Навеки вместе — такое пришло счастье, что Мария Григорьевна будто на крыльях летала. Пришла любовь, образовалась семья. Муж — демобилизованный солдат, отличный шофер, душа-человек Володя Осипов. Вот как счастливо все обернулось. «Топи блат» теперь — объект мелиоративных преобразований. Построят еще один комплекс — тогда прощай, милая Сарожа...

— Не та Сарожа, не та, — оглаживает одного из «мазуриков» Мария Григорьевна. — Ишь, на комплексы замахнулись!.. Только сначала надо бы...

Мария Григорьевна что-то сказала подошедшей Людмиле Виноградовой, веттехнику. Так что же надо бы сначала?

— А вот что... Робости много в новом деле. Вот молочный комплекс в Бору построили, как хорошо! Доярки, как на фабрику, в автобусе ездят. А у нас что? Давно устарело...

Позже, когда пришли газеты с постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции», я новыми глазами перечитал записи разговоров в «Тихвинском». Мария Григорьевна говорила тогда о насущном: необходимо смелее продолжать эту самую специализацию. Проверенное дело! И это мечта свиначка. Но Мария Григорьевна размышляла без восклицательных знаков. Что греха таить, энтузиасты размахистского строительства на селе не учитывают издержек поспешной попытки «жить в ногу со временем». «Затраты, затраты, — говорила Осипова, — а ведь отдача еще слабая. Строительство идет, конечно, капитальное, дорогостоящее, а продуктивность? Топчется на месте». «В новых стенах работать по-старому и убыточно и неловко как-то», — заметила Мария Григорьевна.

— Нагрузки возросли. Вон сколько коров и свиней каждая из нас теперь обслуживает. Да мы-то те же самые, что были. И техника вовсе слабая.

Сарожа записана в «неперспективные». Свинокомплекс заложен — и с размахом — в соседнем Бору. А кадры? Те же бабы, сарожские, только что на автобусах будут ездить. Новых «Машенок» пока нет.

— И еще получилось. Комплексы новые, а кормовые угодья старые. А новые проектируются пока. Нельзя с кондачка жизнь переделывать. Хоть и торопит душа, жаждет перемен.

По всему видно, весьма и весьма ко времени принял ЦК это постановление. Из таблиц, что вывешены в парткоме совхоза «Тихвинский», ясно: экономика теперь требует особого внимания; слишком высока еще себестоимость продукции, а хорошая продуктивность почти не растет.

— Наша пятилетка нелегкая, — сказала Мария Григорьевна. — Планируем получить продукции вдвое больше, чем производили недавно. Тридцать пять тысяч — вот какое будет свиноголовье! Знаю, что на строительство нового свинокомплекса в «Тихвин-

ском» отпустили миллион рублей. Это звучит. И обнадеживает. Я порадовался за Марию Григорьевну и ее товарок. Да, наука и практика подтверждают, что это надежный путь рационального использования земли, труда, техники, как и других факторов интенсификации. И, конечно, повышения эффективности сельскохозяйственной экономики: такова цель пятилетки!

А пока жизнь ее идет все той же дорогой. «Мазурики» требуют внимания. Их набирается несколько сотен, и всех надо выходить, сдать приличным весом.

— Знаете, — призналась Мария Григорьевна, — между двумя турами опоросов выпадает неделя полторы полной тишины в свинарнике. В загонках мамы лежат необъемные, лежат, ждут своего момента. А я жду от них очередных опоросов. И так тянутся дни эти тихие, что скучать начинаю. Скорее бы уж!..

Говорят, в лесных местах течение жизни замедленно. Куда там, двадцать два года на ферму человек бежит — пролетели годы, и не заметила. Где тут замечать бег времени, если пятилетку свою выполнила еще в мае позапрошлого года. А за десять лет выжила и сдала больше пятнадцати тысяч поросят.

...В тот особенный день принесли с почты телеграммы пачку за пачкой. Растерялась, рассказывали мне, Мария Григорьевна: Герой Социалистического Труда! Сан Саныч из Железноводска телеграмму прислал. Кашметов тоже прислал. Маша так обрадовалась его приветству, такое вспомнилось ей, что заплакала: «Первый учитель всем нам...»

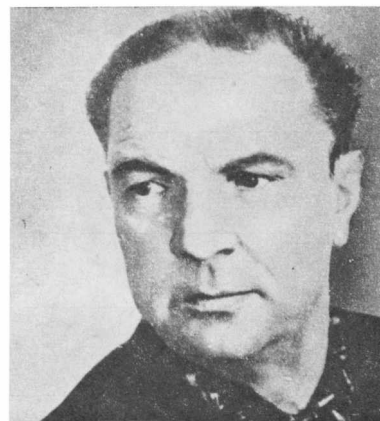
Иринка ее учится в Гатчине, и тоже телеграммой отзывалась. И брат и сестры... Потом на митинг собрались. Мария Григорьевна не знала, куда деваться от глаз, от аплодисментов. «Зачем это еще?» — шептала, испытывая неловкость. Разве одна она достойная? Рядом первого класса животноводы; в той же Сароже — Валентина Васильевна Тимофеева. А какой стаж у Екатерины Ивановны Лапиной, Капитолины Афанасьевны Трифоновой, у Яценко Нины Ивановны! А сколько помогла веттехник Людмила Виноградова — друг у дружки учились. И всегда рядом Лилия Васильевна Барина, помощник бригадира. А мама! Да мама Мария Игнатьевна, если правду говорить, дважды героиня деревенской жизни, это все от нее — сноровка, трудолюбие. В общем, ее характер, мамин.

А вскоре Герой Социалистического Труда, свиначка совхоза «Тихвинский», член горкома партии Мария Григорьевна Осипова выезжала с делегацией Ленинградской области в Москву на торжественное вручение ленинградцам Красного знамени республики. За успехи в девятой пятилетке.

...Наконец-то проклюнуло солнышко. Свет проник, хлынул сквозь полог северного неба. Ушла темень, ушла в глубину чернополюсья, отступила. Неужели птицы так свистят? Не рано ли? Или это Андрей из лесу идет? Может, Володя из мастерской пораньше вырвался? А и вправду весна себя оказывает: лес глядит на деревню зелено, с усмешечкой.

МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ

В. В. ВАНСЛОВ,
член-корреспондент
Академии художеств СССР

Ф. П. Решетников.

Выставка народного художника СССР Ф. П. Решетникова, прошедшая в залах Академии художеств СССР в начале 1977 года, для многих любителей искусства содержала немало неожиданных открытий. Решетников давно и широко известен своим «детским жанром» — обаятельными, улыбающимися картинами о детстве. Но когда на персональной выставке, посвященной его семидесятилетию, собрались произведения, представляющие итог более чем сорокалетнего творческого пути, перед нами предстал художник масштабный и многогранный, внесший существенный вклад в самые разнообразные отрасли изобразительного творчества.

Здесь экспонировались живопись, графика, скульптура, и в каждом из этих видов изобразительного искусства зрителей встречали произведения, отмеченные печатью высокого художественного совершенства. Контрастные, казалось бы, грани жизни нашли отражение в героике, эпосе и романтике северного цикла, в лирике некоторых портретов и пейзажей средней полосы России, в юморе детских сцен и дружеских шаржей, в сатирических образах метких и едких карикатур.

Решетников — художник, живущий большими событиями современности. Его вступление в творческую жизнь неотделимо от легендарного покорения Арктики в тридцатые годы. Он был участником ледовых походов «Сибирякова» и «Челюскина» и вместе с коллективом прославленного экипажа перенес все тяготы челюскинской эпопеи. Его рисунки, шаржи и карикатуры поддерживали бодрость духа в пленниках Северного Ледовитого океана после гибели «Челюскина», вселяли мужество, помогали стойко переносить трудности полярной ночи. Они и сейчас являются бесценным документом тех лет, свидетельством силы духа и оптимизма покорителей Арктики. И не удивительно, что на протяжении своего творческого пути Федор Павлович неоднократно обращался к созданию картин о челюскинской эпопее и портретов ее участников. Ныне они образуют целый цикл. Среди них — портреты О. Ю. Шмидта и Э. Т. Кренкеля, летчиков, спасавших челюскинцев, картины «Гибель «Челюскина», «Первый митинг на льдине», «Первый самолет на льдине челюскинцев» и другие.

В этих произведениях хорошо переданы суровые будни Арктики с мглистым воздухом, угрожающе громогласящими торосами, холодными, серо-голубыми тонами неба и льда. В ранних работах художник более детально разрабатывает нюансы северного пленэра, в поздних тяготеет к большей обобщенности и монументальности решений. В его полотнах ощутима деловитая атмосфера напряженного, организованного труда по спасению экипажа и борьбе со стихией, и мы верим в энергию и мужество участников этой борьбы. В художественном решении всего цикла в целом проявились некоторые свойства киноискусства, события в ледовом лагере изображены как бы общим планом, без детальной разработки характеров отдельных людей, а участники этих событий крупным планом предстают в портретах, где раскрываются черты их облика и личности (особенно выделяется величественный, монументальный портрет О. Ю. Шмидта). Картины и портреты как бы дополняют друг друга, образуя единое художественное целое.

Одной из последних работ арктического цикла является групповой портрет-картина «Первые Герои Советского Союза». Здесь изображены величественные летчики, спасавшие челюскинцев: А. Ляпидевский, В. Молоков, С. Леваневский, М. Водопьянов, Н. Каманин, И. Доронин, М. Слепнев. Спасение челюскинцев было героическим подвигом. Имена прославленных летчиков в то время знала вся страна. И художник изобразил их в летной полярной форме, на снегу, на фоне мглистого северного неба. Они предстают перед зрителями готовыми к старту. Фигуры их внушительны, лица суровы. Вместе с тем, вглядываясь в их облик, мы различаем индивидуальные характеры, своеобразные черты каждого, хотя все герои объединены одним устремлением и чувством.

В искусстве Решетникова широкое отражение нашла также тема борьбы за мир. В необычайно популярной «детской» картине «За мир!», созданной в 1950 году, мы видим отважных и смелых французских ребятшек, пишущих лозунг на стене дома в момент, когда полиция разгоняет рабочую демонстрацию. А на полотне «Голуби мира» детвора сама участвует в демонстрации.

Эта тема нашла продолжение и в таких полотнах мастера, как «Мир победит», «Вьетнамская мать», в серии «Белое и черное», посвященной противоречиям капиталистической Америки, и других.

Федор Павлович явился первым художником, воплотившим идею международного сотрудничества в космосе. Он создал живописный триптих «Союз — Аполлон», состоящий из портретов космонавтов А. Леонова и В. Кубасова (по краям) и картины «Героическая пятёрка» (в центре), изображающей историческое рукопожатие на космической орбите. Черный фон этой картины одновременно и символизирует

ет бездонные глубины космического пространства и является декоративной основой, на которой красивыми силуэтами вырисовываются цветные фигуры космонавтов. Они как бы парят в невесомости, взаимно соприкасаясь. Сама композиция, взаимосвязь жестов, рук и фигур воплощают здесь идею единства, дружбы народов.

В творчестве Решетникова мы встречаем и картины историко-революционные («Юный Куйбышев», «За ленинскую искру») и полотна о современной жизни («Встреча героя» и другие). Он внес свой вклад и в обширную советскую живописную Лениниану. Его картина «В. И. Ленин перед рассветом» изображает Владимира Ильича у костра. Рассыпаются искры на фоне темно-синего ночного неба, красноватые отсветы пламени озаряют лицо вождя, вот-вот займется заря, знаменующая наступление новой эры. Картина эта, будучи жизненно достоверным, жанрово решенным портретом, приобретает вместе с тем характер символического обобщения.

Не будет преувеличением сказать, что самой высокой степени художественного совершенства живописец достигает в своих картинах о детях («Дастали «языка», «Прибыл на каникулы», «Опять двойка!», «Перезамена», «Нарушитель», «Мальчишки» и другие). Они полны доброты, мягкого юмора и отличаются удивительным проникновением в особый мир жизни и в характеры детворы. Каждая из этих работ — небольшая живописная новелла, отражающая в малом мире ребячьих событий большой мир современной жизни. Так, первая из них («Дастали «языка») написана в конце войны (в ребячьих играх отражалось то, чем жила вся страна). А позднейшая из «детских» картин «Мальчишки» датирована 1971 годом. На ней изображены ребята, забравшиеся на крышу и пристально вглядывающиеся в ночное небо. Быть может, это будущие покорители космоса, астрономы, разведчики вселенной.

В его жанровых полотнах всегда удивительно точно и психологически глубоко разработаны взаимоотношения между персонажами, состояние действующих лиц. Правдивые жизненные сюжеты раскрываются в естественных, непринужденных, достоверных ситуациях. Подлинным шедевром в этом отношении является знаменитая «Опять двойка!», написанная в 1952 году. Мать двоечника огорченно сложила руки на коленях, сестра с осуждением смотрит на брата, младший братишка ехидно ухмыляется по поводу неудачи старшего (видно, ему от него порядочно досталось), сам обескураженный двоечник с коньками, торчащими из выдавшего виды портфельчика, перевязанного бечевкой, наконец, верный друг собака, словно пытающаяся утешить своего повелителя, — за всем этим жизнь семьи, история взаимоотношений. И какая верность психологических состояний, жизненная убедительность целого! Все передано необычайно простыми, но тщательно продуманными средствами.

В последние годы порою приходилось слышать голоса, что сюжетность будто бы мешает живописи, что от нее следует отказаться ради символики и метафоричности. Но неуязвимый успех жанровых картин Решетникова доказывает обратное. Здесь нашли современное претворение лучшие традиции творчества передвижников. Цикл его работ, посвященных детям, входит в золотой фонд классики нашего советского искусства.

Неповторимым своеобразием отличаются дружеские шаржи и карикатуры этого мастера. Убийственная сатира свойственна его политическим карикатурам военного времени, меткая наблюдательность и острый юмор — дружеским шаржам на своих товарищей, художников и искусствоведов. В них смех соединяется с психологическим анализом. В этих работах, которые поднимаются до уровня подлинного искусства, не просто юмористические портреты, но подлинно художественные образы, раскрывающие самую «сердцевину» индивидуальности.

И совсем другим предстает перед нами художник в своих бытовых портретах и лирических пейзажах. Высокой поэзией отмечен портрет Л. Бродской в пленэре. Тонкие состояния природы уловлены в пейзажах «Дорога», «Волжские дали», «Костер», «Весна». Здесь ощутимы традиции реалистической русской школы пейзажной живописи. Мастерством выполнения, любовью к предметному миру отличаются также и натюрморты Федора Павловича.

При всей многогранности творчества Ф. П. Решетникова едино. Различные виды и жанры изобразительного искусства, разнообразные аспекты в отражении жизни объединяются чувством актуальности и последовательностью реалистических устремлений художника.

Его произведения проникнуты любовью к жизни, светлым и добрым взглядом на мир. В них бьется пульс современности, чувствуется дыхание ее больших событий. Пожелаем же художнику, отметившему свое семидесятилетие, новых достижений и неожиданных открытий в его молодом и душевно бодром искусстве.

Ф. Решетников. Род. 1906. ГОЛУБИ МИРА. 1956.

**Ф. Решетников. ПЕРВЫЕ ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА. 1976.**

Ф. Решетников. ПОРТРЕТ Л. И. БРОДСКОЙ. 1948.

Родной причал

Дорога, и лес, и поляна
Охотно встречают зарю.
Заречье. Гора Левитана.
Сейчас на нее я смотрю.

Домишки по ней, багровея,
Карабкаются едва.
И мягко пылает над нею
Червонная синева.

Как будто не десятилетия
Прошли с той далекой поры,
Как будто могу углядеть я
В распадке вот этой горы.

С этюдником тихо идет он
И смотрит и смотрит вокруг:
Помост, и откос, и болото,
В ромашках и лютиках луг.

Всем этим наполняясь до края,
Всем этим душевно богат,
Он видит, что сам догорает,
А вовсе не здешний закат.

Он видит, что сам он печален,
Что сам он захвачен тоской,
А вовсе не эти вот дали
И вовсе не этот покой.

Волгарь — это гордое имя,
Волгарь — это славное имя,
Истории нашей основа,
Какое округлое слово —
Волгарь — это слово почета,
В нем страсть заревого полета,
В нем чкаловская закалка,

В нем верность присяге
и долгу.
Ни сердца, ни песни не жалко,
Чтоб славить великую Волгу.

Хриплый старинный гудок
парохода
Глохнет на стыке и суток
и года.

Длится. К чему? К перемене
судьбы?
Будто стоят над водою столбы.

Будто бы тени стоят
над водою.
Будущность, чем ты
грозишь мне? Бедую?

Радостью или удачей? Река
Эхом аукнулась издалика.
Звуки пластались
и множились, долго
Плеском волны отвечала
мне Волга.

Устью тревожно ответил
исток —
Хриплый старинный звучит
мне гудок.

Лодка рыбацья темная
В золото Волги вошла.
Зарево это огромное
Уже поедает мгла.

Волна закипает сызнова.
Подходит — уходит прочь.

Уже чернью по сизому
Расплывается ночь.

Свежий ветер, свежий ветер,
Ты откуда и куда?
Я спросил — ты не ответил,
Не приветил — не беда.
Не беда, что невидимка,
За тобой не уследишь:
То сиреневая дымка,
То лазоревая тишь.

Свежий ветер, свежий ветер,
Лето, Волга, полдень, плес.
Все, что сердцем я приметил,
Тут же мельком ты унес.

Я двигался с юга вместе
с весной.
Три раза цвела сирень
для меня.
Она, подожженная голубизной,
Сама была повтореньем огня.

В конце апреля я видел
в Крыму:
Сиренью была одета гора.
Склоны — в светло-зеленом
дыму,
Море — в кипении серебра.

Потом над Волгой, на крутизне,
Через заборы перевалив,
Тяжелые гроздья тянулись
ко мне —
Синий оттенок, багряный отлив.

И, наконец, латышская тишь:
Даже в знойный полдень свежа
Сирень, за которой
сердцем следишь,
Дымная, влажная, в два этажа.

Мне хотелось весну догнать —
Так волну догоняет весло.
Время, казалось, ринулось
вспять,
Трижды вернулось и все же
ушло.

В покое моря нет покоя,
В его рыданье горя нет,
И то, что кажется тоскою,
На деле гульбище морское,
Морского воинства привет.

Волна в свободном напряженье
Играет красками воды.
Она идет, как воплощенье
Безумья и преодоления,
Раскованности и узды.

Ты ищешь соответствий
в море
Своей единственной судьбе.
Итак, что ты услышал в хоре
Идущих волн? В их смутном
споре
Нет подкрепления тебе.

Зато есть самообольщенье:
В невинной прихоти людской
Увидеть этих волн движенье,
Судьбе своей найти сравненье
С невыразимостью морской.

ГРИФОНЫ ВИШНЕВОЙ МОГИЛЫ

Успешно закончила свой 9-й полевой сезон Запорожская экспедиция Института археологии АН Украины (начальник экспедиции — младший научный сотрудник института В. В. Отрощенко).

Основные работы этого года развернулись в окрестностях села Гююновка, Каменско-Днепропетровского района, Запорожской области, в нескольких десятках километров от древней столицы Скифии — Каменского городища.

Исследован пятиметровый курган Вишнева могила. Наиболее интересным оказалось погребение девочки в домовине, имитирующей ночевую кибитку. По сохранившимся остаткам разнообразных тканей, кожи, бус, бронзовой фибулы-застежки можно сделать полную реконструкцию ее одежды. Погребение относится к IV веку до нашей эры.

Раскопаны и несколько невысоких курганчиков вокруг Вишневой могилы. В одном из них на глубине четырех метров под мощным обвалом земли обнаружено захоронение конюха и двух лошадей. Одну из лоша-

дей украшала ажурная золотая сегментовидная пластина размером 20 на 30 сантиметров. На ней изображен сидящий на коне всадник с луком в руках и раненный им олень.

Здесь же находилась массивная золотая пластина с изображением фантастических животных — грифонов, серебряные бляхи, налобник с фигурной льва. Погребение датируется IV веком до нашей эры. Конские украшения подобного типа встречаются на ассирийских рельефах VII века до нашей эры.

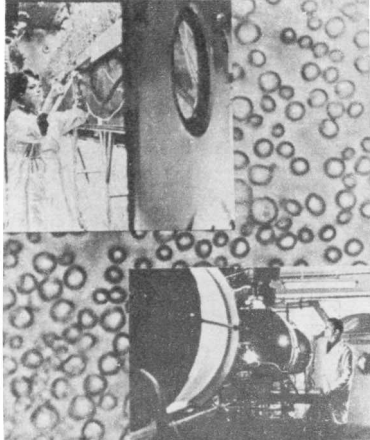
Находка, без сомнения, уникальная. Над ее научным и художественным значением еще предстоит поработать специалистам.

С. ЛЯШКО,
научный сотрудник экспедиции
Запорожье.

На снимке: старший лаборант института В. А. Рябова осматривает золотую пластину, только что очищенную от глины.

Фото П. Чурюанова

Алексей ГОЛИКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

П

еред нами модель прообраза биологической системы жизнеобеспечения инопланетной станции землян или межзвездного корабля, отправившегося в многолетний рейс.

Здесь все необычно и удивительно. Да иначе и быть не может! Такая система должна обеспечить нормальные условия обитания человека для его будущей, весьма обширной космической деятельности, и прежде всего снабжать его кислородом, водой, пищей...

Сейчас эта задача решается наиболее простым и надежным способом: все необходимое космонавты берут с собой на все время полета. Кислород, например, в американских космических кораблях запасают в газообразном или сжиженном состоянии. На советских космических кораблях и орбитальных станциях запас кислорода создается в форме богатого им химического соединения — надперекиси калия.

— Однако возможности такого способа весьма ограничены, — говорит доктор медицинских наук Евгений Яковлевич Шепелев. — Ведь по мере увеличения длитель-

ности полетов и численности экипажей стартовый вес корабля из-за этих запасов непомерно возрастает. Поэтому давно уже стоит вопрос о создании регенеративных систем, в которых запасы потребляемых человеком веществ восстанавливались бы из продуктов его жизнедеятельности.

Уже сейчас регенерация кислорода и воды успешно осуществляется физико-химическими методами. А вот регенерация такими методами пищевых веществ в обозримом будущем представляется практически нереальной. Осуществить полный цикл восстановления кислорода, воды и пищи можно только биологическими методами. А это требует создания (конечно, на ограниченной территории) сообщества организмов, включающего человека, сообщества, способного существовать на основе биологического круговорота веществ, то есть на той основе, на которой существует природа нашей планеты. Экспериментальную модель прообраза такой системы мы сейчас и исследуем.

Осматриваем систему. Она герметически изолирована от внешней среды. Жилая кабина невелика. Вместо окна — круглый иллюминатор. Ее единственный обитатель — здесь он называется испытателем — общается с внешним миром через переговорное устройство да еще с помощью небольшого люка-шлюза для передачи материалов бактериологических и других исследований без нарушения герметичности кабины. Обстановка его жилища скучная — только самое необходимое для работы и жизни в течение нескольких недель.

К кабине испытателя примыкают ярко светящиеся фотосинтетические реакторы. Там пузырится в потоке воздуха зеленоватая масса из одноклеточных зеленых водорослей — хлореллы. С кабиной соединена и «космическая» оран-

жерея. Здесь растет морковь, капуста, свекла, зеленеют стручки гороха. Тут же клонит спелый колос низкорослая пшеница. Все это растет без почвы или ее заменителей. Просто корни растений периодически омываются питательным раствором.

— Изучение таких систем мы начали в 1959 году, — поясняет Евгений Яковлевич. — Были сделаны первые попытки биологической регенерации атмосферы с помощью фотосинтеза одноклеточных водорослей. Работу эту возглавляет руководитель лаборатории Ганна Иосиповна Мелешко.

Знакомлюсь с Г. И. Мелешко. — Наши первые фотосинтетические реакторы, — рассказывает она, — оказались недостаточно производительными, чтобы обеспечить газообмен человека. Тем не менее выяснилась полная возможность многочасового пребывания человека в атмосфере, регенерируемой хлореллой. Конечно, этому предшествовали многосуточные эксперименты с животными. Вскоре аналогичные результаты были опубликованы в США, где тоже проводились подобные опыты.

— Теперь у нас применена принципиально новая безотходная технология непрерывного культивирования водорослей, когда питательная среда после сбора урожая возвращается обратно в фотосинтетический реактор, — говорит Евгений Яковлевич. — Жидкие выделения человека также поступают в реактор с водорослями. Это позволяет обеспечить и замкнутый цикл круговорота воды, помимо регенерации атмосферы. Происходит все следующим образом. Значительную часть потреб-

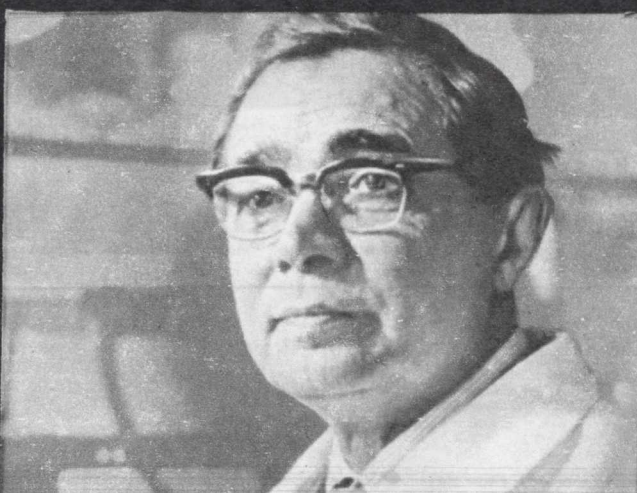
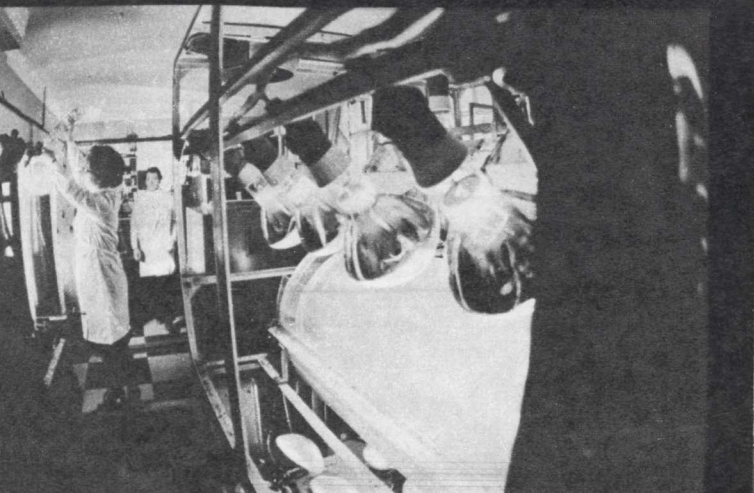
Испытатель в жилой кабине.

ПРООБРАЗ КОСМИЧЕСК

В этом культиваторе выращиваются одноклеточные водоросли.

Руководитель работы доктор медицинских наук Е. Я. Шепелев.

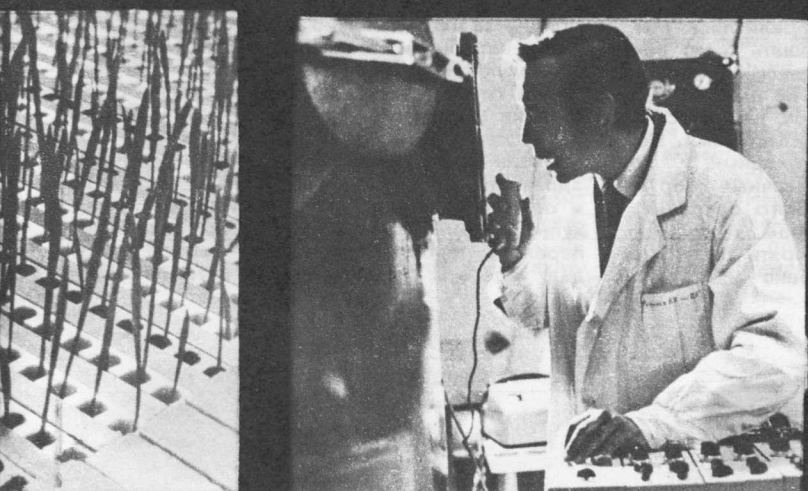
Всходы пшеницы.

ОГО ДОМА

Ответственный за эксперимент кандидат медицинских наук В. И. Фофанов следит за состоянием физиологических функций испытуемого.

ляемой воды человек испаряет через кожу и легкие. Воздух в жилой кабине становится более влажным, обедняется кислородом и обогащается углекислотой. Из жилой кабины он попадает в холодильник-конденсатор, где пары превращаются снова в воду, которая проходит потом через фильтр и становится пригодной для питья. Далее воздух проходит через фотосинтетический реактор с водорослями, где он вновь обогащается кислородом и теряет избыток углекислоты (поглощаемой водорослями). Такой же процесс происходит в «космической оранжерее». Таким образом осуществляется биологическая регенерация атмосферы, а заодно и воды.

— И как часто у вас обновляется запас кислорода? — спрашиваю ученого.

— В атмосфере исследуемой системы содержится всего один кубический метр этого газа, — отвечает он. — За месяц водоросли обновляют его пятнадцать раз. Интересна параллель: по данным академика В. И. Вернадского, обновление наличного количества кислорода в атмосфере Земли происходит примерно за 2 тысячи лет. Из этого сравнения видно, что непосредственно не наблюдаемые процессы круговорота веществ в биосфере Земли можно воспроизводить и изучать в экспериментальных экологических системах в гораздо меньшие сроки. В связи с этим следует подчеркнуть, что изучаемые модели биологических систем жизнеобеспечения, несмотря на их космическую направленность, имеют и более общее (широкое) научное значение, в частности, они показывают новые направления в экспериментальной экологии.

Разговор продолжается. Оказывается, в исследуемой системе человек получает около 80 процентов всего необходимого для своего существования. Кислородом и водой он обеспечен полностью, сколько бы ни находился в этой системе, но чем же питается?

— Запасами, взятыми с собой, но в значительной мере и тем, что выращивает сам, — отвечает ученый.

Мне показывают лепешки, испеченные из сухой хлореллы, пшеничные хлебцы, блюда из овощей.

— Можно попробовать?

— Конечно.

Лепешки из хлореллы, мягко выражаясь, непривычны. Трудно даже сказать, что они напоминают по вкусу. Хлебцы сделаны из крупно молотой, вернее, дробленой пшеницы. Коктейль — из соков ботвы моркови и свеклы: в замкнутой системе ничто не должно пропадать зря! Регенерированную воду, памятуя о ее необычном происхождении, пробовал с большим предубеждением, но вода понравилась.

На критические замечания о вкусовых качествах меню испытуемого Евгений Яковлевич говорит, что сейчас важно выяснить принципиальную сторону дела. Что же касается дальнейшего, то возможности кулинарии и пищевой технологии изменять исходный продукт до неузнаваемости общеизвестны. Пример тому — искус-

ственная икра. Жалко, конечно, что система пока что не снабжает человека животными продуктами. Но это только пока! Предполагается ввести в нее и животное звено. Для начала некоторые съедобные моллюски, а также домашнюю птицу. И даже перепелов. Их уже сейчас разводят на птицефермах. Яйценоскость перепелок относительно собственного веса больше, чем у любой другой домашней птицы. Миниатюрный инкубатор может быть и на космической станции, а кормом для птиц послужат хлорелла и пищевые отходы.

Спрашиваю у ответственного за эксперимент врача Владимира Ивановича Фофанова, как чувствует себя испытуемый, каково его настроение.

— Чувствует себя хорошо, — отвечает врач, — а какое настроение, узнайте сами.

Беру переговорное устройство. Испытуемый улыбается, говорит, что настроение бодрое, что за исследованиями время проходит незаметно.

— А ко вкусу хлореллы привыкли?

— Наука требует жертв! — шутит он. И уже серьезно добавляет: — Ведь участие в очень важном, захватывающем эксперименте. За биологической системой жизнеобеспечения будущее...

Испытуемый прав, — подтверждает Евгений Яковлевич, — у биологической системы есть принципиальные преимущества перед неббиологическими. Например, способность к относительно самостоятельному существованию в динамически равновесном состоянии на основе процессов саморегулирования. А это значит минимум контрольной и управляющей аппаратуры, которой в других случаях потребовалось бы прямо несметное количество.

И еще... У нас нет никаких научных оснований утверждать, что чистый кислород или смесь кислорода с азотом, которой сейчас дышат космонавты в полете, биологически соответствует земной атмосфере, в которой содержатся также сотни органических примесей, выделяемых в результате жизнедеятельности растений и микроорганизмов. Эти микропримеси могут быть безразличными и даже необходимыми для земных существ. Потребности в них человека практически не изучены. Известно, что без кислорода он может жить несколько минут, без воды — несколько суток, без пищи — несколько недель. Недостаток отдельных витаминов дает о себе знать иногда только через месяцы. Но нет оснований думать, что этим исчерпываются биологические потребности человека, если говорить о более длительных сроках его существования в искусственной среде обитания.

Отсюда можно предположить, что чем длительнее будет время пребывания людей в космосе, тем в большей степени искусственная среда их обитания должна быть ближе к земной. А это и достигается при использовании биологических механизмов формирования обитаемой среды, собственных земной биосферы, то есть биологическими системами жизнеобеспечения.

После месяца такой работы произошел тот разговор со Станиславом Алексеевичем — в машине за мостом окружной железной дороги, — когда он мне сказал, что больше тренировать нас не хочет. Я растерялась. Но я бы еще больше расте-

тел ли Жук подхлестнуть нас, чтобы мы больше работали в отпуске? Или прошедший месяц не убедил его в том, что Зайцев — подходящий партнер? Или во мне он разуверился — решил, что до будущей Олимпиады меня не хватит и надо искать какой-то другой вариант? Или, создав на льду спортивный образ Родниковой, он не видел развития этого образа, опасался самоповторов — может быть, это он и имел в виду, говоря о Горшковой и Шеваловском: желание отойти от штампа?..

Читатель знает, что тогда мы не расстались, и два следующих года были очень удачными для нас троих, но зерно сомнений и творческого кризиса, посеянного весной 1972-го, проросло в 1974 году.

А тогда мне прежде всего было страшно обидно: Станислав Алексеевич стал мне уже очень близким человеком, и я ему верила — в основном, в отношении к делу, верила всегда.

Как мы с Сашей работали в отпуске, я рассказывала. Я давала ему гигантскую нагруз-

неинтересно, но Саша этого не знал, и я все проходила снова — с ним.

В Москве, в аэропорту, нам вручили билеты в Запорожье. Там были показательные для всей сборной — нас хотело перед сезоном видеть спортивное руководство. В списке участников показательных после нас с Зайцевым значился Овчинников, а уже потом Смирнова и Уланов. Это было уколom, который мы оценили — Жук и я. В принципе все выглядело правильно, если суммировать титулы: Леша был чемпион Европы, мира и Олимпиады, Люда — серебряным призером, я — чемпионкой, а Саша — никем. Так что на меня список не очень подействовал. Но оценить мы оценили.

Началось все с разминки. Трибуны не могли дожидаться этой разминки, на которую Уланов выходил с новой партнершей, а Роднина — с новым партнером. И мы, по-моему, удовлетворили любопытство публики полностью.

На этих показательных нас очень тепло при-

НЕГЛАДКИЙ

Ирина РОДНИНА

Литературная запись
С. ТОКАРЕВА

ЛЕД

Новая музыка.

рялась, будь я прежней Родниковой. Если бы не прошло этого месяца с Зайцевым, в течение которого мне пришлось много думать о другом человеке, о своих поступках, связанных именно с ним. Я уже знала, что если человек чего-то не хочет, уговоры не помогают, и прежде бы я не ответила так, как ответила Жуку: «Не хотите, не надо». Я спросила только, чем вызвано его решение.

— Ну, Ириша, смотри сама: сделаю я вашу пару, а что будут люди говорить? Что это Роднина. Не Жук, а Роднина. А сделаю я, допустим, Горшкову и Шеваловского, и будут говорить, что это Жук.

Я спросила, как же так: ведь все прекрасно знают, что Роднина — это Жук, и вообще, в том ли смысл и цель дела, кто что скажет...

Ничем, по существу, не кончился этот странный разговор, и мы уехали в отпуск.

Я много думала о смысле происшедшего. Каждая фраза Станислава Алексеевича, как я знала, многозначна, словно многослойна, она преследует несколько целей, но какая была главной тогда? Могу только догадываться. Хо-

ку, и если он осмеливался возражать, давала вдвое больше, хотя себя иной раз доводила до изнеможения. Он физически хорошо был подготовлен, но ему приходилось тяжелее, чем мне: я все-таки была опытнее, я знала, где можно чуть-чуть расслабиться, а где надо поднажать.

Жук ездил в отпуск вместе с Надей Горшковой и Женей Шеваловским, и Женя мне потом говорил, что они там тоже изо всех сил работали.

Но на первой же тренировке Станислав Алексеевич смог оценить, какой мы сделали скачок. Тогда он, по-моему, понял, что Роднина и Зайцев не пустой номер.

Над Москвой висела жара — тянулось то тяжкое лето, когда в округе горели леса. Мы тренировались на Клязьме, дышать было нечем. Станислав Алексеевич говорил, что я резкость потеряла с годами, и по полтора часа мы гоняли на пляже в футбол, перепоясанные ремнями со свинцовыми пластинами. По песочку босиком. А песок нехолодный.

Потом был короткий тренировочный сбор в Чехословакии — работа до полного одурения. Мы занимались шагами, подбором шагов, переходами; мне пришлось повторять то, что я давно знала, что было зазубрено и потому

няли, и я поняла, что любую ошибку мне простят. Зрители понимали, что мой вариант сложнее Лешиного: его партнерша была извостной и опытной, мой партнер — новичком, а за тех, кому труднее, всегда и болеют больше.

Люда и Леша выглядели неважно. Заметно было, что их показательные сделаны тоже на скорую руку. Леша попытался решить номера в классической манере, а опыт Олега Алексеевича Протопопова доказывает, что эта манера требует особенно тщательной отработки каждой детали: любая небрежность здесь бросается в глаза.

Леша и Люда не имели успеха. И хотя мне, как всегда и больше, чем всегда, хотелось переплюнуть Лешу, и это удалось, мне было обидно за него и больно до слез: мы ведь так долго катались и столько пережили вместе.

Следующим утром в отпечатанном на машинке списке участников показательных была от руки нарисована стрелочка: на следующий вечер наши пары поменялись местами.

Очень много людей подходило меня поздравлять. До этого я была словно не у дел, и отношение некоторых завсегдатаев наших кулис ко мне изменилось. Что ж, надо было пережить, прочувствовать этот период не у дел, и теперь поздравления я слушала скеп-

Продолжение. Начало см. №№ 10—12.

тически. Я отучилась самообольщаться, громкие слова не тешили меня.

Вопрос о расстановке сил в сборной был в Запорожье почти решен.

Мы не успокоились. Я знала, как может работать Уланов, на что он способен, если его подстегнуть. Действительно, на показательных в декабре они с Людой выглядели совсем по-иному. Это было прекрасное выступление.

Но я поняла, что мы можем бороться. Бороться и выигрывать. Что мы на правильном пути. Что мы — пара.

В Чехословакии Саша еще робел, а в Запорожье сразу настолько уверенно себя повел — внимательно и уверенно, — что и я ощутила уверенность. Мне больше не надо было без конца оглядываться назад. Видно, за эту неделю в Чехословакии Саша тоже большой путь прошел и многое понял.

Словом, в тот момент он меня не подвел. В принципе никогда не подводил. В серьезных вещах — никогда.

Лучшей человеческой чертой я считаю честность. Честный человек обязательно добр к другим людям, потому что думает не о себе, а о них в первую очередь.

И вот честность — главное качество моих родителей. Мой папа прост и именно честен. Он воспринимает жизнь такой, какая она есть, и если мы иногда на что-нибудь разворчимся, он злится: мы-де не понимаем, что значит плохо, и не знаем цену хорошему.

А мама — она очень добрая, страшно деятельная, и на ней в принципе держится наш дом. Ее энергии хватает на нас всех, она принимает на себя все наши волнения, хочет всем нам облегчить жизнь, чтобы мы подольше не сталкивались ни с какими заботами. Она все на себя взваливает, и только в последние годы я иногда от нее слышу, что она устает, до этого никогда не слышала.

То, что я стала спортсменкой, — мамина заслуга целиком и полностью. Когда я начинала, мы жили на Таганке, а каток был в Марьиной

мочь разобраться в собственных мыслях и желаниях. Таким взрослым другом стала для меня хореограф Татьяна Александровна Сац.

Со многими хореографами мне приходилось работать, а с ней сравнительно мало, но именно она оказала на меня наибольшее влияние — и творчески и по-человечески. Я верила и верю ее огромному опыту (ведь она работала и в профессиональном балете, в балете на льду, цирке на льду), ее безошибочному вкусу. Если она принимала выбранную нами музыку сразу, то и кататься под эту музыку было легко, а коли сомневалась, то не отрицала, говорила: «Я не очень уверена, это надо посмотреть...»

Доводы ее обычно обоснованны, стопроцентно убедительны, причем ты всегда знаешь, что Татьяна Александровна, несмотря на пожилой возраст, молода в душе и во взглядах, и ее художественным принципам не свойствен консерватизм — наоборот, им присуща свежесть, тяга к новому, желание искать и

Приятная тяжесть.

Во Дворце бракосочетания.

Фото А. Бочинина

XI

Прошло два года — семьдесят третий и семьдесят четвертый. У нас с Жуком то было хорошо, то плохо, то он работал как прежде, то по сорок минут вместо двух часов. А когда чувствуешь, что тренер, с которым ты десять лет делаешь общее дело, словно отбывает номер, когда видишь чужие, равнодушные глаза...

С родителями я редко говорила об этом: я их щадила. Да и они были убеждены, что тренер, педагог всегда прав.

Мой отец — офицер, воевал в Отечественную с первых дней: начал капитаном, инспектором политотдела армии под Смоленском, а в конце войны был переведен на Дальний Восток.

Мама с восемнадцати лет служила военфельдшером, участвовала в освобождении Западной Украины, в войне с белофиннами. 23 июня 1941 года она была направлена под Харьков в один из госпиталей Юго-Западного фронта. В сорок втором она получила первую свою награду — медаль «За боевые заслуги». Она говорила, что медаль, полученная в тяжелые дни отступления, дорожже ордена при наступлении. Войну она закончила в Берлине.

Роще, это около часу езды на двадцать четвертом автобусе. Мама ездила со мной, а в автобусе меня укачивало, тошнило. Чего она мне только по дороге не рассказывала, чтобы отвлечь! Когда мне становилось невтерпёж, мы выходили, пережидали немного и ехали снова.

Мама научила меня распределять время. Она была строгой, и я знала, что можно, чего нельзя, и если положено мне было час гулять, я именно час гуляла, ни минутой больше. Все-таки я успевала и музыкой заниматься и немецким языком — в специальной школе. Мама учила всему этому не словами даже, а больше собственным примером — чувствовать ответственность за свое дело.

Мои родители никогда не ссорились. То есть, может быть, такие сцены и происходили, но мы с сестрой об этом не знали. Для мамы было ужасным переживанием, когда она однажды пришла на каток и увидела, какая я у нее конфликтная.

Конечно, я обсуждала с родителями сложившуюся ситуацию. И еще с одним близким человеком. Наверное, у каждого из нас должен быть человек, которому можно выговориться. Тем более, приходит возраст, когда тебе обязательно нужен взрослый друг, способный по-

рисковать. В ней подкупало то, что, человек по природе пылкий и темпераментный, работала она спокойно, без суеты, точно зная, чего хочет. Иной раз маленькие штрихи, внесенные ею в готовую композицию — жест, поворот головы, — придавали всему законченность и осмысленность. Я уже упоминала о том, что Станислава Алексеевича очень трудно, почти невозможно переубедить. Татьяна Александровна Сац это умела.

Веря ей в деле, я верила ей во всем. И тогдашнее положение вещей она хорошо знала: бывала на льду, видела, как не ладится у нас с Жуком. Рассудили мы вместе и решили, что надо по-честному: коли все так запуталось, лучший выход — безнадежный узел разрубить. А если к кому-то другому нам с Сашей проситься, то к Тарасовой — самому перспективному тренеру...

К этому выводу мы пришли еще за год до последнего шага.

А сам шаг я все не могла сделать. Умом решила, душой не могла. Это было как в другой мир перейти.

Но работа шла все хуже, отношения накалялись... Я снова стала подумывать, не бросить ли совсем. Но было жалко Сашу: трудился-трудился, а до Олимпиады не докатается...

ТОЛЬКО ЛИ СВИДЕТЕЛИ?

Я. КИСЕЛЕВ

Виноват ли Ковалев в смерти своей жены?

Чтобы верно ответить на этот вопрос, судьям необходимо было возможно полнее разобраться в характерах не только Нины Федоровны и Николая Сергеевича Ковалевых, но и некоторых свидетелей. Они свидетели, только свидетели. Но как много эти люди сделали для того, чтобы беда в семье Ковалевых переросла в трагедию.

Семья Ковалевых была прочной, устойчивой. И, как это ни странно, прочной она была именно потому, что Нина Федоровна и Николай Сергеевич Ковалевы были разными по темпераменту, наклонностям и даже вкусам. Несхожесть, даже противоречивость характеров несколько не отдаляла их друг от друга: каждый находил в другом то, чего ему не хватало.

Легкая в общении, мягкая, слегка флегматичная Нина Федоровна больше всего дорожила покоем, безмятежностью, душевной тишиной. Не знала Нина Федоровна и смутных, неопределенных мечтаний, будоражащей душу неудовлетворенности. Ни к чему неосуществимому ее не тянуло, многого от жизни она не требовала. Однажды сестра Нины Федоровны спросила у нее, что она больше всего ценит в своем муже, и услышала в ответ: «Я для него — младший ребенок в семье». До чего же, оказывается, приятно и удобно чувствовать себя ребенком: ничего мало-мальски серьезного решать самой не приходится — тебе подскажут; а если сделаешь что-нибудь не так, то ведь строго не вышутся: ребенок защищен своей незащищенностью. Нину Федоровну это устраивало, и она ничего не хотела менять в укладе своей жизни.

Не хотел этого и Николай Сергеевич. Его трогала, умиляла и радовала «детскость» жены. Сильный, энергичный, он испытывал потребность опекать, заботиться, охранять и... господствовать. Если господствовать, то, конечно же, без всяких ограничений. Ковалев ничего не умел делать наполовину. Радовался или огорчался, дружил или перечеркивал дружбу, трудился или внезапно остывал к

Много велось разговоров, много людей искренне хотели помочь нам разобраться в наших конфликтах, объяснить нам, в чем мы неправы, а Жуку — в чем неправ он, и ничего из этого не получалось...

К руководству Спорткомитета Министерства обороны СССР пришел тогда генерал Мирошник, бывший летчик. На первых порах он не очень глубоко разбирался в деталях спорта, но в людях зато разбирался. Он понял, что у нас неблагополучно, вызвал меня, Сашу, выслушал.

— Надо что-то решать. Кто, вы считаете, может быть вашим тренером?

— Тарасова.

— Я ее не знаю. Но если вы убеждены, поступайте, как летчики. Летчику в воздухе некогда особенно долго размышлять, он принимает решение, а на земле выясняется, прав он был или неправ. И если он был неправ, это уже не имеет значения, потому что летчик погиб.

...Когда к руководству клуба — уже официально — вызвали Станислава Алексеевича и нас и Жук стал перечислять мои вины, я сказала, что не могу больше у него тренироваться, а он — что давно об этом говорил...

Перед этим мы были у Тани Тарасовой: к счастью, она оказалась в Москве, а не на сборах. Не знаю, что бы я делала, если бы ее не было в Москве.

Я заранее ей позвонила, и мы встретились на квартире ее отца... Там была масса хлопот... У Татьяны были красные пятна на щеках, она теребила пальцы... Мы сели. Мы сказали, что хотели бы у нее тренироваться, просим, чтобы она нас посмотрела. Рассказали, какая у нас есть музыка, какие элементы... Она нам ужасно взволнованно и искренне ответила, что очень счастлива, очень боится и очень хочет с нами работать.

Вечером мы пришли к ней на каток.

Когда я забирала коньки из раздевалки ЦСКА — раньше я их забирала, когда уезжала на соревнования или сборы, — было такое чувство, будто я ухожу из дома.

Мы жили тогда в Архангельском и ездили к Тане на «Кристалл» мимо ЦСКА.

Через год, когда была назначена наша с Сашей свадьба, я хотела опустить приглашение для Станислава Алексеевича просто в его почтовый ящик. Мама сказала, что это неудобно, что мне самой нужно его пригласить. Я поднялась на лифте, нажала кнопку звонка. Мне долго никто не отпирал, и когда я уже вызвала лифт, дверь открылась, на пороге стоял заспанный Жук.

— Иришенька... А ну, пойдя сюда. Как тебе там живется?

Долго он на меня смотрел...

XII

Ты катаешься, а тренер стоит за бортиком. Ты не всегда его видишь, но чувствуешь всегда каждой клеточкой. Как солнечное тепло. Он катается вместе с тобой, каждый твой шаг предугадывает. Мне кажется, что, если его что-то отвлечет, у тебя случится срыв. Я за бортиком еще не стояла и не могу утверждать наверняка, но мне представляется, что это так... И когда кончается твоя программа, ты сразу видишь лицо тренера и сразу понимаешь, хорошо или плохо тебе все удалось.

Такой полный душевный контакт с Таней Тарасовой возник не сразу, а лишь на чемпионате мира в Колорадо-Спрингс — во время проката.

Когда мы к ней пришли, я была вся в противоречиях, сомневалась в себе, боялась отхода от прежнего, это приводило к срывам... Татьяна постепенно сумела нам доказать, что процесс идет нормально, все закономерно. А ведь для нее самой то время было, должно быть, самым тревожным во всей ее тренерской жизни: все-таки со спортсменами подобного ранга она еще не работала, и вдобавок своих учеников сама вела вверх, росла с ними вместе, а мы пришли от такого выдающегося специалиста, как Жук; ей хотелось внести в работу с нами свое, новое, и мы ждали от нее этого, а рисковать было опасно, и сроки короткие, и по-человечески она нас знала недостаточно...

Не случайно в первые дни она и я, начав говорить на узкоспортивные темы — о техни-

ке, о методике, — непременно переходили на личное и говорили без конца. Мы интуитивно чувствовали, что надо сблизиться и понять друг друга, что без этого нельзя.

Татьяна — открытый человек. В ней есть некая бравада, она может громко и уверенно утверждать, что непременно поставит для своих учеников «ге-ни-альную программу», но это не самоуверенность, а скорее форма самозащиты, потому что внутренне Татьяна очень уязвима.

Колоссальная энергия и работоспособность, огромная любовь к спорту — это в ней семейное, так сказать, наследственное. Но она не просто любит спорт — она любит своих учеников, безраздельно себя для них расходует и каждую программу придумывает, испытывая словно бы двойную любовь — к ней и к паре, для которой она ставится. В Татьяне неукротимо стремление к новому (тоже семейная, отцовская черта), но ее дарование особого типа. Оно больше подчинено фантазии и внезапному порыву, чем системе и здравому расчету. Она человек настроения, и ее постановочная работа зависит от настроения: бывают и спады и колоссальные взлеты. Ее критерий — красота, и в поиске красоты она готова подчас пойти вопреки правилам и канонам, и это пренебрежение к канонам рождает порой новые идеи.

Татьяна очень добра, у нее чуткое и щедрое сердце. Если ты радуешься, она с тобой радуется, если ты переживаешь, она с тобой переживает, и этого в ней хватает на всех ее учеников, на всех ее многочисленных друзей, только на себя не всегда хватает.

Иные женщины умеют свое дело делать по-мужски, а Татьяна — во всем женщина. Для таких, как она, цельных натур тренерская профессия тяжела тем, что она отбирает у них всю жизнь — до дна, а ученики заменяют детей. Женщинам, мне кажется, трудно быть тренерами, потому что в тренерском труде неизбежны суровые секунды, когда надо заставить себя проявить силу и власть, а женщина все-таки больше любовью берет, ей всех жалко... Но бывает именно так, что нельзя жалеть, нельзя любить, что чувства эти нужно спрятать подальше.

Тренер должен быть постоянно уверен в себе, во всяком случае, внешне. Какие бы он ни испытывал сомнения и колебания, какие бы, допустим, неприятности ни случались у него дома, ученики не должны об этом даже догадываться. Одним своим видом, своим настроем тренер обязан всегда вселять в них смелость, бодрость и веру в собственные силы.

На каждое занятие тренер должен приносить что-то новое — будь то хоть маленький жест или просто поворот головы. Без нового он не имеет права приходить — иначе сам себе проиграет.

Тренер должен предвидеть, предчувствовать момент, когда ученик может его разгадать — увидеть слабость или сам оказаться в чем-то сильнее. Тренеру надо быть постоянно начеку, быть готовым ко всем изменениям в душе, в характере ученика, потому что тот молод, во время их взаимной работы он меняется каждый день. И под воздействием времени и под влиянием любого обстоятельства. Он, например, книгу прочел или фильм посмотрел, и сразу что-то понял, и такое произошло изменение в его взглядах на мир, какого не бывает у взрослых. Самый страшный для тренера проигрыш — это падение его престижа в глазах ученика. Такое может случиться даже не по вине тренера, не потому, что он стал хуже, чем был, — просто потому, что ученик вырос, а тренер на месте стоял. Но тренеру трудно все время расти, ведь он человек уже сложившийся. Непосильно трудно, а нужно, чтобы ни в чем и ни на миг не оказался ниже ученика. Чтобы всегда опережать его, оставаясь авторитетом — моральным лидером.

Я говорю, конечно, об идеале. Устают все, устают и тренер. И работа его, как говорится, не нормированная — не «от звонка до звонка», а все двадцать четыре часа в сутки идет эта душевная, эта выстраданная работа. Она, в общем, неблагоприятна: об учениках, о спортсменах больше и громче говорят и пишут, об их успехах и талантах, но талант спортсмена проявляется благодаря усилиям тренера. Заботы, внимания заслуживает прежде всего тренер. Если не он, то откуда же возьмется чемпион?

Окончание следует.

работе — все в полную силу, сплеча, вздохнул!

И чувства его к жене не укладывались в привычные рамки. Сестра Нины Ковалевой Евгения Федоровна Бармина — о ней еще придется рассказать — воскликнула в суде: «Николай с каждым днем все больше влюблялся в Нину! Было похоже на то, что он за тринадцать лет никак не мог привыкнуть к мысли, что она его жена!»

Частой гостьей в семье Ковалевых была Евгения Федоровна Бармина. Это было совершенно естественно: сестра навещает сестру. Но за последние три года Бармина стала проявлять какой-то повышенный, пожалуй, болезненный интерес к тому, как шла семейная жизнь Ковалевых. Любая мелочь в отношениях между Ниной и ее мужем замечалась Барминой, застреивала в памяти и нередко вызывала чувства, в которых она бы не хотела и самой себе признаться.

Евгения Федоровна Бармина, старшая из сестер, была красива рано расцветшей красотой. Она знала, что красива. Знала и ценила это. В красоте ей виделся этаким гарантийный талон на жизнь в сплошном благоденствии, пропуск в труднодоступный узкий мир бабьей судьбы. В своем будущем Бармина была уверена.

Едва окончив школу, она вышла замуж за человека, сулившего ей блестящую будущность. Прошло немного времени, и молодая жена поняла, как тяжело ошиблась в своем выборе. Беззащитный, хотя и вдохновенный враль, пустельга, мастер пускать пыль в глаза — единственное, что он умел делать, — и вдобавок алкоголик, вот кем оказался ее муж. Два года она мучилась и наконец развелась. Вскоре она вновь вышла замуж. Жизнь Барминой со вторым мужем сложилась удачно, жили они хорошо и радостно. Родился у них сын. Счастье было полным, тем безысходней стало несчастье: в автомобильной катастрофе погибли муж и сын. Недюжинные силы требовались, чтобы как-то справиться с отчаянием. Евгения Федоровна выстояла. Но, еще не оправившись от постигшей ее беды, вышла замуж в третий раз. И была сурово наказана за свою топорливость. Новый избранник начисто обобрал ее и скрылся. Так иссякла вера в магический «талон» на счастье. Теперь она видела в себе неудачницу, навсегда обреченную на прозябание. И это все больше озлобляло и ожесточало Бармину.

А рядом жила младшая сестра Нина, самая что ни на есть заурядная, скучновато-тихая на вкус Барминой, а ко всему еще страдающая физическим недостатком: она чуть припадала на левую ногу. И вот такую любил, окружал заботой, был ей верен человек яркий, сильный, красивый. И вскоре Бармина стала ловить себя на том, что ее раздражало, огорчало, а то и выводило из себя любое проявление любви, заботы и даже простого внимания Ковалева к жене.

В переживаниях старшей сестры не было ничего загадочного — просто зависть. Но скажи это Барминой, она бы яростно возражала. Завидует сестре? Взор! Удивлена — и только. Нине досталось счастье явно незаслуженное. Незаслуженному счастью можно только удивляться, но если оно еще и несправедливо, то тут недалеко от того, чтобы начать уст-

ранять несправедливость. Даже если это и причинит сестре боль. И вот уже в собственных глазах она не завистница, нет, она — страж справедливости.

Нина Федоровна первой заметила перемену в Барминой. Однажды в незначительной ссоре между сестрами старшая выплеснула: «За что тебе такое счастье? — Бармина не то спрашивала, не то предупреждала. — За что? Помяни мое слово. Николай тебя бросит. Ты прекрасно знаешь, почему это случится. И я знаю. Он тебе не простит. Бросит. По справедливости так и должно быть».

Младшая сестра не возмущалась, не обиделась. Она испугалась! До того испугалась, что весь разговор с Барминой передала своей ближайшей подруге, Курбановой, выступившей впоследствии свидетельницей.

Чего испугалась Нина Федоровна?

Лет семь назад Ковалев был в длительной зарубежной командировке, а сестры жили в Саратове. Там и встретила Нина Федоровна со Сковрцовым. Нину Федоровну никак не отнесешь к искательницам легких приключений. Никакого внезапного, молниеносного поразительного чувства Сковрцов в ней не вызвал. Никакими исключительными достоинствами не обладал. С ним было весело — вот и все! О связи со Сковрцовым знала старшая сестра. Знала во всех деталях. Можно с уверенностью считать, представляя себе характер Нины Федоровны, что она о Сковрцове и вспоминать не вспоминала. Все былшем поросло. А старшая сестра, оказывается, ничего не забыла. И хотя Нина Федоровна, очевидно, не допускала мысли, что Евгения предаст ее, все же испугалась. И не напрасно.

Радея о справедливости, только о ней одной, Бармина уже и не старалась обуздать все обостряющееся желание приоткрыть Ковалеву глаза на правду.

Приоткрывала на всякий случай осторожно, все больше намеком, недосказкой. Вот как будто проговорила: «При тебе она тихоня, воды не замутит, а в Саратове...» — и оборвет, ждет, не спросит ли Ковалев о недоговоренном.

В следующий раз Бармина, «забываясь» о Нине, упрекнула ее в присутствии мужа: «Не следишь за собой, посмотри, какую хламиду напялила. А в Саратове, небось, в еде не только себе, но и Мишеньке отказывала, лишь бы прифрантиться». Упрекнула и замолчала. Молчал и Ковалев. Словно ничего не слышал. Только нахмурился.

Бармина торжествовала: почва разрыхлена, самое время бросать семена подозрений. И как же она была поражена, когда Ковалев, едва она начала свое очередное «А помнишь, в Саратове...» — вскочил и закричал: «Вон! Вон из моего дома!»

И все же втихомолку, в часы, когда Ковалев на работе, сестры встречались. 19 июня Ковалев освободился раньше обычного. На лестнице он нагнал Бармину. «Гонишь тебя», — сказал Ковалев, — а ты ходишь. Не смей! С тобой водиться — в грязи извозиться». Только этого и ждала Бармина. «Я чище, чем твоя жена», — вспыхнула она. И тут же выложила все, что знала о Сковрцове, ничего не забыла, ничего не упустила. Облег-

чив душу, ушла. Ушла, увидев, что Ковалев поверил ей.

Он и вправду поверил, но все же частица спасительного сомнения жила в нем. Гонимый яростью и затаенной надеждой, Ковалев ворвался в дом, втащил Нину в спальню, закрыл дверь и с перекошенным лицом прохрипел: «Твоя сестра мне все рассказала. Не сознаешься, убью!» Смертельно перепуганная, потрясенная внезапно разоблачением, Нина не имела сил отрицать правду.

Теперь, после признания, не осталось и самой малой частицы сомнения. Слепая, угарная ярость бушевала в Ковалеве. Он отшвырнул от себя Нину с такой силой, что, падая, она рассклала лоб о спинку кровати. А когда поднялась, Ковалев ударил ее по лицу.

Обеспамятев от ужаса, Нина вскочила на лестничную площадку и, рыдая, с окровавленным лицом, стала звонить в соседнюю квартиру. Укрывшись от мужа у соседей, Нина Федоровна, в конце концов потеряв власть над собой, рассказала о том, что призналась мужу в неверности. Кто знает, может быть, рассказала еще и потому, что неосознанно хотела, чтобы муж не выглядел оголтелым хулиганом, давшим себе волю.

Ковалевы жили в ведомственном доме, где почти все знали друг друга. Как быстро растеклись признания Нины Федоровны по дому, как подхватила их обывательщина и принялась расцвечивать вымышленными подробностями!

Живым олицетворением этой обывательщины прошла перед судом свидетельница Гранаткина. Как о чем-то не только естественном, но даже в какой-то мере обязательном, она говорила в суде:

— Едва я узнала, что Николай Сергеевич избил свою Ниночку, я сейчас же побежала к ним.

— Зачем? — спросили ее.

— Как это зачем? — удивилась Гранаткина. — Надо же было точнее все узнать.

Если бы дело ограничилось тем, что всевозможные гранаткины посудачили, посмаковали не лишнее пикантности происшествия, то заметного влияния на судьбу Ковалевых это не оказало бы. Но вечером 20 июня к Нине Федоровне явилась пожилая женщина. «Мы с вами не знакомы», — сказала пришедшая, — но прошу вас верить, что я полна самого горячего к вам сочувствия. Я глубочайшим образом возмущена поведением вашего мужа». И, не давая опомниться Нине Федоровне, отрекомендовавшись Александрой Александровной Лабодиной, она стала горячо убеждать, что нельзя, ни в коем случае «нельзя оставить безнаказанной эту чудную и даже враждебную нашим нравам выходку мужа». Нет-нет, пусть Нина Федоровна не возражает, прощать нельзя. Это не только ее, Лабодиной, точка зрения, это мнение всей домовой общественности.

Лабодина не была ни склонницей, ни любительницей скандалов, сладострастно их раздувавшей. Она была человеком, которому всегда все было ясно, а особенно ясно, как должны поступать другие, в каких бы ситуациях они ни оказались. И ее вмешательство в чужую жизнь было тем решительнее, чем крепче она веровала, что ратует за справедливость.

Несколько дней Ковалев не возвращался домой, не зная, как ему и Нине жить дальше. Наконец пришел — сумрачный, отчужденный, но с твердой решимостью не возвращаться к прошлому. Он не вынес приговора Нине, но и не простил: пусть время все разрешит.

За эти дни много перестрадала и передумала Нина Федоровна. Страхом, только страхом перед тем, что она теряет мужа, что семья идет к развалу, можно объяснить ту наивную до нелепости, беспомощную и, конечно же, ослонившую и без того тяжкую обстановку, «ложь во спасение», к которой Нина Федоровна прибегла. Она настаивает на том, чтобы муж ее выслушал. Нехотя, хмуро тот соглашается. Жена клянется: она никогда ему не изменяла, ничего между ней и Сковрцовым не было, а подтвердила выдумку сестры только потому, что боялась еще больше разъярить мужа своим отрицанием вины. Ковалев слушает, не перебивает, но Нина Федоровна чувствует: не верит! Она плачет, вновь и вновь клянется, что не виновна. Ковалев молча слушал ее, а потом сказал: пусть Нина подумает над тем, что она говорит сейчас. Не нужно больше лжи! Что было, то было, с тех пор прошло много времени, может быть, удастся не думать об этом, забыть, может быть, все будет по-хорошему, но для этого надо, чтобы он мог верить ей, знать, что и ей теперь нестерпима ложь. Однако если ей и сейчас не страшно лгать, то ведь не остается никакой надежды. Между тем Нина Федоровна все еще оставалась во власти своего заблуждения: все будет спасено, если муж поверит в ее ложь. И она продолжала лгать.

Через два дня Нина Федоровна сама ужаснется этой лжи. Но раскаяние ее запоздало. К тому времени Ковалев был уже на полпути к Саратову, чтобы встретиться со Сковрцовым. Ему была нужна правда, и он ее добудет! И до был: «саратовский рыцарь», трясясь мелкой дрожью, со слезой повинился.

Ковалев возвращается в Ленинград. Теперь он знает правду, всю, до конца. Осталось еще два-три часа пути, и он будет дома. И внезапно Ковалева настигает душевная просветленность, он прозревает: «Мне тяжело, но насколько тяжелее ей, моей бедной Нине! Ей страшно за себя, за детей, за меня, ее мучает раскаяние, она не находит себе места от сознания, что ничего не может сделать, ей приходится ждать, только ждать того, что сделаю я».

Николай Сергеевич — человек горячий и стремительный, он легко поддается порыву. И самому высокому. Нина не только прощала. Теперь он озабочен тем, как сделать, чтобы она легко, не терзаясь собственной виной, перенесла это прощение. В Любани Ковалев покупает большой букет цветов. Нина Федоровна встретила мужа на вокзале. Она взяла с собой сыновей. Возможно, для того, чтобы напомнить Ковалеву: я мать твоих детей. Увидев букет, Нина Федоровна все поняла и зарыдала.

Казалось бы, мир вернулся в семью Ковалевых. Но, к несчастью, это только казалось.

Есть люди, которые способны на благородный поступок, даже на подвиг, но сделать они это могут

ЧУДО ИВЕРСКОЙ ГОРЫ

только в порыве, мгновенном и стремительном. Но их не хватает на будничную, длящуюся изо дня в день доброту. Таким был и Ковалев.

Прошла неделя. Накал высоких чувств в Ковалеве пошел на убыль, в памяти все неотступнее возникали разные штришки из рассказа Барминой и признаний Скворцова, и в Ковалеве вновь разгорались гнев и боль. Скрыть их он не умел. Оказывается, великим и трудным умением прощать Ковалев не обладал.

Правда, не было больше возмущительных сцен, не было даже словесных попреков. Но от этого легче не становилось. Ковалев приходил домой сумрачный, суровый, чужой. Истерзанный сам, он терзал Нину Федоровну, всем своим видом говоря: «Не прости! Ничего не забыл!»

Измучив и Нину Федоровну и себя, Ковалев рывком, без видимой причины меняясь, его словно подхватывало и несло добрым ветром, вдруг он становился нежным и заботливым. Но светлая полоса недолго длилась, после нее дни отчуждения переживались еще болезненнее. Нина Федоровна уже ни на что не надеялась, она поняла: муж не простит! Неприятная к трудностям, долгими годами заботливо опекаемая, она, столкнувшись с подлинной бедой, и не пыталась ничего изменить, все глубже погружаясь в безысходность.

У Нины Федоровны не хватало сил таить страдания. Она стала искать сочувствия и сама не заметила, как раздула начавшие было гаснуть пересуды и толки. Соседка, приютившая Нину Федоровну в тот злополучный вечер 19 июня, первой ринулась в «бой».

— Я было подумала, дорогая Нина Федоровна,— сказала она,— что вам стоит поменять квартиру, уехать из нашего дома. Но потом поняла, что это бесполезно.

— Почему? — недоумевая, спросила Нина Федоровна.

Соседка укоризненно покачала головой.

— Ваш Миша все равно будет дружить с ребятами из нашего двора. И все от них узнает.

Как мать могла такое сказать матери!

«Потеряла мужа, теряю детей. Зачем мне жить?» — исходила мукой Нина Федоровна. И она все чаще возвращалась к мысли о самоубийстве. Миг решимости — и навсегда покой. И все же Нина Федоровна едва ли решилась бы покончить с собой, если бы положение в семье, и без того изматывавшее душу, не осложнилось самым неожиданным обстоятельством. Впрочем, едва ли будет точным назвать его столь уж неожиданным, оно ведь результат упорных, все возрастающих усилий Александры Александровны Лабодиной. В ней, Лабодиной, оказывается, было оскорблено — так она считала — чувство справедливости. А справедливость, по Лабодиной, совсем легко и постигается и достигается: совершил человек ошибку, единственное, что можно и должно с ним сделать, — это наказать его. И чем строже, тем лучше: другим неповадно будет. И долг ее, Лабодиной, способствовать наказанию нарушителя Ковалева. При этом, если говорить прямо, ее несколько не заботила судьба Нины Федоровны, чьей непрощеной заступницей она выступала.

Ковалев не должен остаться безнаказанным: об этом Лабодина писала из инстанции в инстанцию. Сначала писала одна: безрезультатно. Тогда под требованием «Покарайте Ковалева!» она получила еще несколько подписей.

От Ковалева запросили объяснений. Ничто не могло заставить его рассказать о неверности жены, о том, что им было пережито, и поэтому в его объяснениях действительно постыдное поведение 19 июня ничем не было смягчено. Ковалева сурово осудила общественность, и он вынужден был оставить работу. Ковалев воспринял это, как крах, так много работа значила для него. И в этой своей служебной беде готов был винить жену больше, чем себя. Но он ничего не сказал ей. Она сама себе сказала: «Из-за меня, из-за меня все это произошло».

* * *

Есть законы, в которых с особой ясностью видна их гуманность. Таков закон, по которому к суровой ответственности привлекается тот, кто своим жестоким обращением довел до самоубийства зависящего от него человека.

«Я не толкнул Нину на самоубийство, но я не сумел удержать ее», — сказал Ковалев в суде.

Только ли не удержал или подтолкнул — это и решал суд. И решил. Осудил Ковалева за доведение жены до самоубийства, признав, что первопричиной ее решения уйти из жизни было поведение мужа.

А Бармина, Лабодина, Гранаткина — они свидетели, только свидетели. И тут нет ни малейшего нарушения закона. И ничто не делает их сущность такой понятной и такой отталкивающей, как то, что они для самих себя, в своем ответе перед своей совестью считали и продолжают считать себя свидетелями, только свидетелями.

Давая показания, они не испытывали ни стыда, ни раскаяния. Даже когда неоспоримо выявлялась их самая непосредственная причастность к трагическому распаду семьи Ковалевых, они напроць отвергали право хоть в чем-нибудь их упрекнуть. Да, они не спорят, грустная, очень грустная произошла история, но ведь они, свидетели, ничего иного не сделали, как только открыли глаза на правду. Сначала Ковалеву, потом его жене, а затем и другим. Открывали они глаза на правду, радея о справедливости. За что им себя осуждать?

Судьи внимательно их слушали, старались понять: что это — способ самозащиты? Ссылкой на благородные побуждения пытаются оправдать дрянные поступки? А может быть, еще хуже? Они искренни? Они и впрямь считают себя вправе вламываться в чужую жизнь, выволакивать на всеобщее обозрение глубоко интимное в ней, причинять страдания, беречь души, и только потому, что, на их взгляд, они очищают нравы, отстаивают справедливость.

Отзывчивость, готовность помочь в беде, добиться справедливости — замечательные человеческие свойства, но судьи, сталкиваясь с жизненными сложностями, знают, что если «радеть о справедливости» принимают люди очерствелые, безразличные к человеческой боли, нравственно безответственные, то ничего, кроме зла, это принести не может.

Давно прошли времена больших географических открытий. Теперь радуют и так называемые малые. А их впереди предостаточно — и в глубинах морей, океанов и, уж конечно, в глубинах земли.

Глубины — вещь таинственная. Представьте себе состояние человека, который опускается в пропасть, где до него никто никогда не был. Можно отбросить жуткие рассказы местных фантастов. Но остается неизвестность, остается крошечная тьма, теснота проходов и возможность встречи с живыми существами, доброжелательность которых еще не установлена.

Первыми в «Бездонную Яму» — это в Абхазии, в междуречье Маниквары и Псырчи — опустился отряд спелеологов Института географии имени Вахушти Академии наук Грузинской ССР. Их было четверо: З. Тинтилозов, Б. Гергедава, Г. Смыр и лидер группы А. Окроджанашвили, — он шел впереди и прокладывал путь товарищам. Когда в яму спускалась уже пятая по счету и значительно расширенная экспедиция с участием кинодокументалистов, А. Окроджанашвили, снова первый, снова бесстрашный, штурмовал неизвестность: пытался пробраться в отверстие другой пещеры со стороны водопада, который из этого отверстия исторгался. И здесь трагически погиб. Говорится это для того, чтобы люди, которые сегодня не через пропасть, а по удобным путям попадают в самую сердцевину Иверской горы, не забывали об отваге первопроходцев.

Сегодня бывшая «Бездонная Яма», а ныне Новоафонская пещера, самая крупная в СССР, стала доступна миллионам любителей природы. Кстати, за первый год ее службы людям, начавшейся летом 75-го, миллионный посетитель уже отсчитан. Миллион посетителей — это миллион восторгов, миллион положительных эмоций, вызванных сказочными красотами подземного дворца, громадными залами высотой в 50—60 метров, сталактитами и сталагмитами самых причудливых форм и расцветок, гипсовыми и кальцитовыми цветами, озерами, никогда не отражающими неба. Для того, чтобы все это стало доступно обозрению туристов, под Иверской горой проложен полутораклометровый тоннель с электропоездом, построенные пешеходные дорожки и мосты, смонтированы пульта управления со светозвуковыми эффектами. 130 прожекторов и 120 светильников вырывают из мрака самые завлекательные произведения художницы-природы. Постоянный музыкальный фон, а порой и концерты Государственной хоровой капеллы Абхазии сопровождают экскурсию в ее двухчасовом пути по восьми залам подземного дворца.

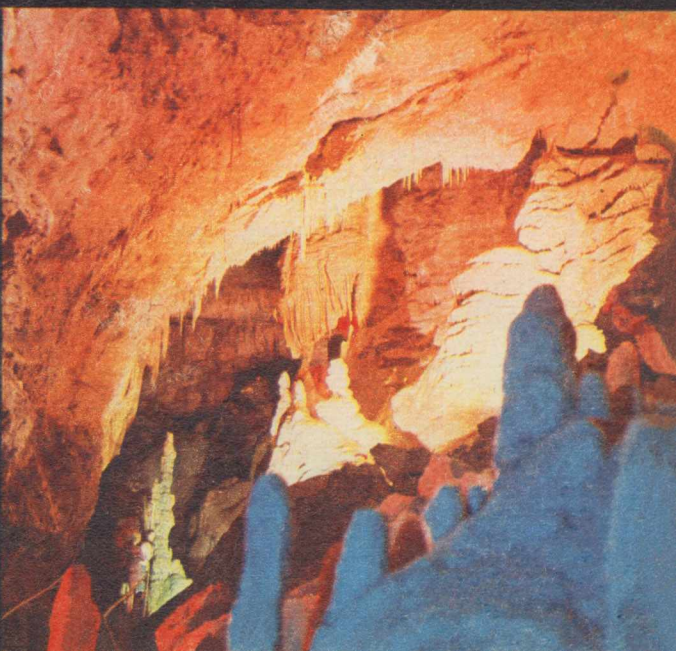
Подумать только — миллионы лет здесь не появлялся человек! И тут уместно пояснить, что открытие Новоафонской пещеры для обозрения имеет целью не только познакомить с карстовыми явлениями в карбонатных породах, но и прежде всего подвигнуть эти явления исследованиям спелеологов. Изучить пещеру предстоит всесторонне — геологически, пещерные отложения, микроклимат, флору и фауну, всех этих незрячих жужелиц, лжескорпионов и летучих мышей. И еще — вести неуспешные наблюдения за этим миром живого и неживого, которое встревожено (не может быть невстревоженным!) внезапным вторжением сюда человека с его светом, музыкой и теплом. Ведь Новоафонскую пещеру посещают ежедневно около двух тысяч экскурсантов. Посещало бы и больше, если б не предел, положенный все тем же стремлением сберечь уже нарушенное равновесие.

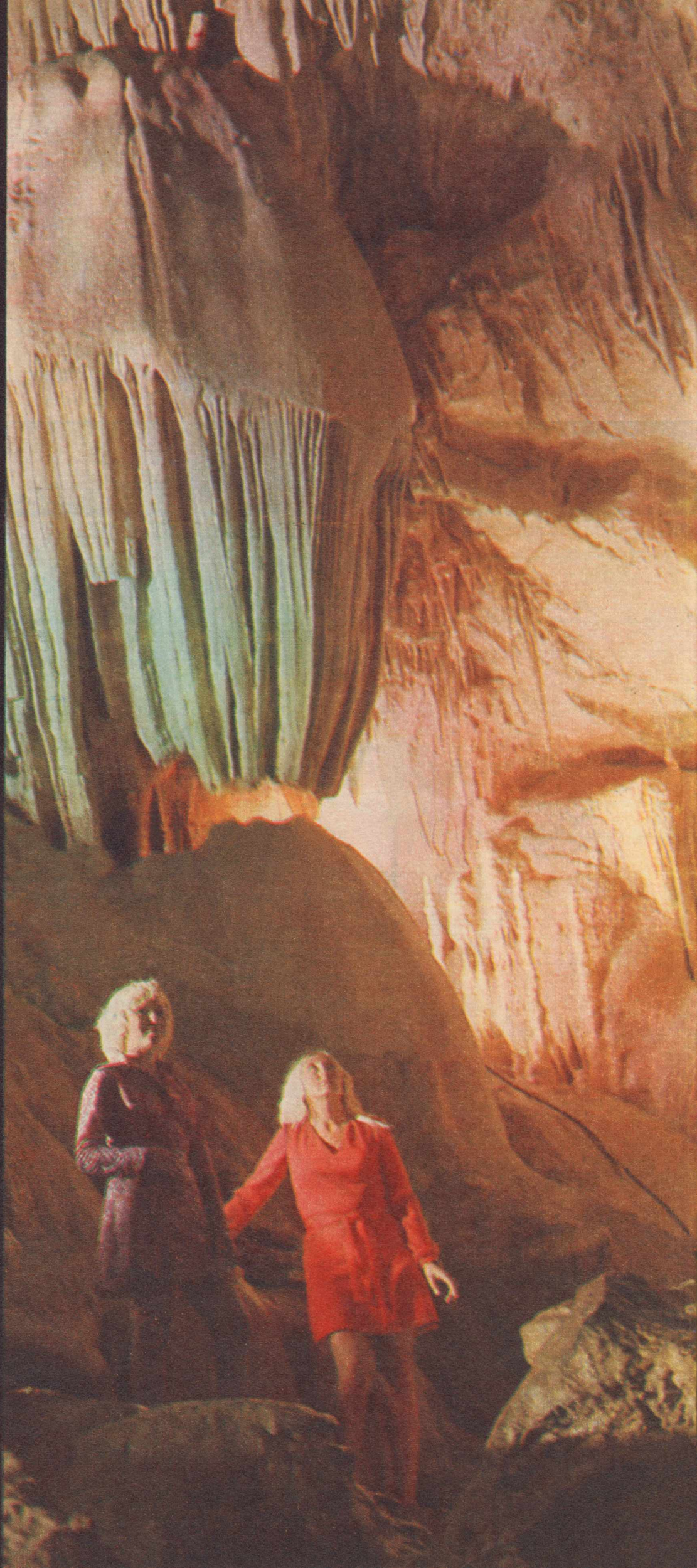
Вот что сказал нам по этому поводу руководитель туризма в Абхазии Юрий Тариелович Квициния:

— Чудо Иверской горы хочется увидеть всем четырем миллионам туристов, прибывающих ежегодно в Абхазию. И, может быть, увидеть даже не раз. А мы в состоянии пропустить не больше миллиона человек. Однако у нас есть десятки других, не столь обширных, но тоже интересных подземных дворцов. Вот, например, пещера Абрскила у подножия Кодорского хребта. Здесь сталактиты и сталагмиты начинаются сразу же у входа и тянутся на протяжении всех двух километров подземного пути. Трудно представить себе зрелище более эффектное. Оборудование этой пещеры — проект уже составлен — позволит доставить большую радость любителям прекрасного.

Остается пожелать быстрее открытия Абрскилы.

Новоафонская пещера.

БЕТХОВЕН

Духовное наследие человечества богато многими замечательными произведениями, и вряд ли кому придет в голову пытаться выяснять, кого из их творцов считать первым, самым гениальным, а кого вторым, третьим... Есть личности, которых вообще невозможно ни с кем, ни с чем сравнивать. С них как бы начинается новый счет. Они — новая эпоха в искусстве.

Таков Бетховен. И как поразительна, неповторима его личная судьба, так же поразительна, неповторима его судьба творческая. О ней и пойдет речь.

Слово — народному артисту СССР Евгению Федоровичу СВЕТЛАНОВУ; с ним беседует наш корреспондент Н. КОЖЕВНИКОВА.

— История знает довольно много примеров, когда отдельные произведения да и сами личности их создателей были в свое время очень популярны. При жизни они получили, казалось бы, полное признание, но затем, вместе с физической смертью авторов, умирало и их творческое наследие. Бывали и другие случаи, когда при жизни художник был почти неизвестен. Его творчество словно не находило должного отклика в сердцах современников. И только посмертно к нему приходило величие.

Такая судьба постигла многих талантливых композиторов. Но Бетховена нельзя причислить ни к тем, ни к другим. Уже при жизни Бетховен получил большое признание. Однако можно ли сказать, что оно было безоговорочным? Нет. Отдельные его произведения сразу были причислены к вершинам музыкального искусства, зато другие оспаривались, вызвали острые дискуссии. А третьи вообще вроде бы никого не трогали, оставались незамеченными. И тем не менее Бетховен, конечно, знал, что его музыка нужна людям, что она производит неотразимое впечатление на самую разную аудиторию, заставляя слушателей как бы невольно подниматься до уровня бетховенской мысли.

Ничто в мире не случайно, всякое явление бывает следствием многих причин, его подготовивших. Если Бах велик тем, что сумел обобщить, пропустить сквозь свою индивидуальность, поднять на иную высоту все, что было написано его предшественниками, то следующий этап, следующая ступень такого же масштаба есть Бетховен.

Уже в самых первых бетховенских произведениях, в частности в его Первой симфонии, явственно ощущается принципиально новое музыкальное мышление, слышится такое, чего никто не мог написать раньше, до него.

Бетховен относится к таким художникам, чей путь, с моей точки зрения, является неуклонным восхождением к вершине.

А ведь бывает, что художник сразу выявляет весь свой потенциал. А дальше либо повторяет сам себя, либо постепенно сползает вниз. Собственно, любое стояние на месте уже есть шаг назад. Но бывает и наоборот: композитор вроде бы и не дает оснований ожидать от него появления чего-

либо значительного, и вдруг ошеломляет всех, — так было, например, с Вагнером... Бетховенский же путь, как я уже сказал, есть упорное, неуклонное восхождение вверх, хотя и это вовсе не означает, что первые его произведения были ученически беспомощными, слабыми. Нет, в них видна рука мастера, только еще далеко до той масштабности, того новаторства, которые проявились в полной мере в его Третьей, Пятой, Седьмой и, наконец, вершинной Девятой симфониях.

Думается, именно дух демократизма — широкий народный адрес произведений Бетховена — есть то главное, что дало ему подняться над своим временем и заглянуть в будущее.

Творческое кредо композитора нашло свое конкретное выражение в знаменитом финале Девятой симфонии. Здесь Бетховен как бы завещал всем художникам — не только музыкантам! — обращаться в произведениях к людям, как можно большему числу людей. Ибо искусство, в частности музыка, является тем актуальным средством единения людей, которое будет существовать всегда, во все времена. Вот это и дает основание думать, что Бетховен во все времена и все эпохи будет самым актуальным и самым современным композитором. В его творчестве заложены те основные демократические тенденции, которые, перешагивая через географические барьеры, преодолевают черты национальной ограниченности, становясь достоянием общечеловеческим.

Творчество Бетховена вневременно. Оно всенародно и всемирно.

— Как почти у всякого великого художника, у Бетховена есть произведения широко известные, которые, так сказать, у всех «на слуху». А есть еще и такие, что считаются доступными только специалистам: ну, скажем, его последние квартеты.

Существует мнение, что именно в труднодоступных произведениях выражается ярче всего гений художника, что именно там самое его сокровенное. И что он доверяет это немногим, потому что только немногие могут это понять. Интересно было бы услышать тут ваше мнение, Евгений Федорович. Ведь в подобных рассуждениях сказываются не только вкусовые особенности, симпатии и антипатии, но и, вероятно, этическая, нравственная позиция.

— Даже в самых первых произведениях Бетховен сознательно направлял свое мастерство, свое техническое совершенство на то, чтобы музыка его была доступной многим. И в самом деле, музыкальный его язык предельно лаконичен, предельно лапидарен. Действительно предельно — без скидок! — прост. Но за этой простотой и лаконичностью — изысканнейшее умение, глубокая, серьезная, высокая мысль. А в последнем своем творческом периоде, когда Бетховен стал глухнуть, он пришел — за счет развития своего внутреннего слуха — к подлинным открытиям, новациям необычайным, которые удивляют и по сей день. Современные музыканты, композиторы находят в них пищу для познания, для ума своего и сердца.

Да, для меня несомненна эстафета — от поздних бетховенских произведений к современности. А в этой связи напрашивается вопрос: что же действительно, важнее — доступность ли языка или его усложненность, зашифрованность? Ведь это очень влияет на

будущность произведения, на отношение к нему людей и завтра и сейчас... Так вот, я думаю, что и те и другие произведения имеют право на существование. Более того, не стоит проводить между ними резкой грани. Если произведение завоевало прочное признание, популярность, то хуже от этого оно не стало. Но если произведение не оказалось понятным сразу, это тоже еще не делает его плохим... Впрочем, есть у меня пример, на котором могли бы скрестить шпаги поклонники музыки только «общепринятой» или только труднодоступной. Это опять же Девятая симфония Бетховена. Где бы она ни исполнялась, встречают ее восторженно. Все слушатели, без исключения. А ведь эта симфония чрезвычайно сложна и по форме своей и по языку. Но сложность ее воспринимается как нечто совершенно естественное, закономерное. То есть они эту сложность не замечают. А это значит, что сложное может быть доступным. В этом, собственно, и проявляется непревзойденное бетховенское мастерство.

— А конкретно, в каких композиторских именах вы видите продолжение бетховенских традиций?

— В лучших произведениях советских композиторов, обращенных к широкой аудитории, безусловно, чувствуется бетховенский дух. Хотя язык там может быть совершенно иным, как, скажем, он совершенно отличен, ярко индивидуален у Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, Кабалевского... Хотя, конечно, влияние Бетховена нужно рассматривать в общемирном масштабе. И тут интересно то, что в сознании наиболее прогрессивных художников — когда они обращаются к большим музыкальным полотнам, крупным фрескам, — будто невольно, но тем не менее уловимо присутствует тень великого композитора. Я могу назвать среди таких произведений оратории Онеггера, кантаты Орфа, Бриттена.

— Ну, а если говорить о композиторах совсем еще молодых, недавно начавших свой творческий путь, в какой мере их произведения отражают влияние Бетховена?

— Говоря о молодых, мне прежде всего хотелось бы пожелать большей масштабности, большей емкости и широты поставленных ими в их творческих начинаниях философских проблем... Пусть произведение будет не таким уж объемным, но пусть оно будет содержательным. Конечно, каждому художнику необходимо искать новую форму, новый, свой язык. Но это должно приходиться вместе с новым содержанием, а не в отрыве от него. Пример тому — опять же Бетховен. Он близок нам, ныне живущим, не только потому, что всегда остается свеж и нов его музыкальный язык. А, главное, потому, что масштабно и широко его творческое мышление, сама его человеческая, нравственная позиция.

Музыка Бетховена своим демократизмом объединяет нас с ним и сегодня и завтра.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава X

БРАТСКИЕ ОБЪЯТИЯ

25 октября Станислав Михайлович Паскевич получил от брата из Вены письмо и приглашение посетить Австрию. 29 октября он отвез документы в ОВИР — отдел виз и регистраций, а 28 ноября жена и дочь проводили его на Белорусском вокзале. Он заметно волновался: первый раз ехал за границу. Будучи вообще застенчивым, он на вокзале совсем притих.

31 ноября брат, Казимир Михайлович Паскевич, встретил и обнял его в Вене. На привокзальной площади их ждала машина — небольшой, с «Волгу», серый «форд». За рулем сидел шофер — немолодой толстый человек флегматичного вида. При встрече братья не обменялись ни словом. У младшего в глазах стояли слезы, и старший был достаточно чуток и деликатен, чтобы не опешлять момент дежурными фразами. Лишь когда проезжали длинной очень нарядной, сверкавшей витринами улицей, старший сказал:

— Это венский Бродвей — Кертнерштрассе. Мы с тобой еще по ней погуляем.

Остановились на тихой улице где-то на окраине города против четырехэтажного нового дома с одним подъездом. Станислав Михайлович хотел по привычке взять из багажника свой чемодан, но шофер мягко отстранил его, буркнув что-то себе в пушистые усы.

Станислав Михайлович пребывал в том состоянии, когда люди не замечают деталей, но он все же отметил, что хотя в доме всего четыре этажа, но есть лифт. Они поднялись на третий. На лестничную площадку выходила одна дверь — значит, квартира занимает весь этаж. Им открыла черноволосая и черноглазая девушка, миловидная, с ямочками на щеках (позже Станислав Михайлович удивится, что ей тридцать, — так молодо для своих лет выглядела она), в красном платье, с белым кружевным передником.

— Вот, Фанни, мой брат, — сказал Казимир Михайлович. — Примите его, как меня.

Фанни поклонилась. Шофер поставил чемодан и ушел.

— Ну, дорогой мой, давай располагаться. Идем, покажу квартиру. Где что.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—12.

Знакомый почерк

Квартира состояла из пяти комнат и большой гостиной. Две спальни, две ванны, два туалета. Никогда ничего подобного Станислав Михайлович не видел. Брат показал ему его спальню.

— Ты будешь жить здесь. Кабинет рядом — тоже в твоем распоряжении. — Казимир говорил добрым голосом и небрежно, без тени хвастовства, без желания пустить пыль в глаза.

— Послушай, и все это твое? На одного? — спросил Станислав.

Казимир рассмеялся.

— Мое, поскольку квартира снята у домовладельца по контракту и за нее заплачено.

— Но мебель твоя?

— И мебель не моя. С собой из Канады я привез лишь Фанни.

— А она кто?

— Экономка. Ну, понимаешь, ведет хозяйство. Она прилично говорит по-русски. Ты не церемонься — приказывай ей, что надо. Кофе можешь пить в постели. Вот звонок на кухню. И вообще привыкай.

— Да-а, — только и сказал Станислав.

— Прими ванну или душ, а потом подумаем, с чего начать. Я буду у себя, на той половине.

Казимир вышел и тут же вернулся с его чемоданом.

— Не теряй времени.

Станислав достал свежее белье и вошел в ванную, нашарил на стене выключатель и, когда зажегся свет, долго стоял, осматриваясь. Зеркало во весь рост. Банкетка. На двух полках флаконы с одеколоном и шампунем, мылом и разноцветными губками. Кафельный пол и ванна отбрасывают зайчики. Обволакивающее душистое тепло.

Одевшись и причесавшись, он пошел отыскивать брата — именно отыскивать, потому что в квартире можно было заблудиться. Фанни, увидев его в коридоре, помогла.

— Сюда, пожалуйста. — Она показала ему дверь.

Казимир сидел без пиджака перед низким столиком и разговаривал по телефону, левой рукой оттягивая и отпуская ляжку подтяжек. Никаких иностранных языков Станислав не знал, поэтому при виде Казимира, бегло и уверенно бросавшего в трубку незнакомые слова, ему вдруг почудилось, что это вовсе и не брат его, а какой-то незнакомый и очень важный человек, взявший его под свое могущественное покровительство. В общем, потерялся застенчивый младший брат в этой огромной квартире и никак не мог обрести независимости, подобающей пятидесятилетнему мужчине. Заметив его, стоящего в дверях, Казимир показал рукой на кресло против себя.

— Ну, братишка, давай составлять программу, — наконец положив трубку, весело сказал он, но тут же сменил тему: — Встань, пожалуйста, хочу на тебя взглянуть.

Станислав послушно встал. Оглядев его придирчивым взглядом с ног до головы, Казимир заключил:

— Нет, лучше все-таки сначала сменить экипировку. Мой гардероб тебе не подойдет. Поедем.

Станислав, как он ни был потерян, ощутил укол самолюбия. Костюм он купил за день до отъезда, костюм дорогой, из чистой шерсти. Видно, по его лицу брат понял, о чем он думает.

— Пиджак немодный и галстук тоже, а нам придется посещать заведения, куда ходят модно одетые люди. И к тому же костюм еще не лег по фигуре, тебе в нем неудобно. Словом, подчиняйся старшим.

Шофер ждал в машине. Казимир сказал ему что-то, и они поехали в центр.

Как потом узнал Станислав, они были у Херцманского. Их встретил худой старый продавец, маленького роста, одетый в иголочки. Брат поговорил с ним. К Станиславу подошли два продавца помоложе, оглядели его, записали что-то в книжечки и ушли, а братьев пригласили сесть за столик и принесли две чашки кофе. Когда они его выпили, их пригласили в примерочную. Через четверть часа Станислав был одет во все новое.

— Ну вот, теперь тебя не отличишь от европейца, — сказал Казимир.

— Наверное, дорого встало?

— Предоставь это мне. И не задавай больше глупых вопросов.

Они вернулись домой, Казимир позвонил кому-то, поговорил недолго и объявил:

— Будем обедать в ресторане. Сейчас за нами заедет один человек, и отправимся.

— Что за человек?

— Его зовут Роджерс. Работает в посольстве, но бизнеса не оставил. У меня с ним дела. Он тебе понравится, не беспокойся. Три года прожил в Москве, любит Россию.

Сначала Станислав не увидел, а услышал Роджерса. Он громко разговаривал с открывшей ему Фанни. Потом в комнату вошел высокий, широкоплечий мужчина с коротко стриженными, совершенно седыми волосами и молчаливым лицом. Протянув широкую ладонь, он другой рукой хлопнул Станислава по плечу и сказал с приятным, еле заметным акцентом:

— А младший Паскевич неплохо сохранился в московском климате, не правда ли?

— Вы тоже, — отвечал Станислав.

— Ну, мы с Казимиром — старики, нам по шестьдесят. Но еще ничего, ничего! Как поживает Москва?

Он держал себя так, будто они знакомы с незапамятных времен. И сразу располагал к себе.

— Стой, — сказал Станислав, с удовольствием ощущая, как к нему возвращается неприужденность.

— Сейчас там уже морозец. Хорошо по морозцу пройти. Скучно. — Роджерс постучал себя по груди. — Но, как у вас говорится, развеет тоску веревочкой?

— Завьем, — поправил Станислав.

— Ну, так завьем! Поехали, Казимир.

— Поехали.

Они обедали в ресторане, сверкавшем снежной белизной скатертей и матовым серебром приборов. Хотя столики вскоре все оказались занятыми, в зале не было никакого гула. И оркестр играл негромко. И певица не рвала свои голосовые связки. Картина не имела ничего общего с тем, что ожидал увидеть Станислав. И это ему понравилось. А когда он узнал, что здесь можно заказать даже советскую водку, оставалось только позавидовать местному уровню обслуживания.

Заказывал Роджерс. У всех троих был прекрасный аппетит. Пообедали отлично. Пили совсем немного. Станислав и Роджерс закурили и разговорились о Москве. Роджерс читал стихи, вспоминал, как ездил в пушкинское Михайловское, где Станислав, к стыду своему, ни разу не бывал.

— Тебе, по-моему, хочется спать, — заметил Казимир брату.

— Не против. — Его и правда клонило в сон. — Прямо с колес — и столько впечатлений.

Роджерс подозвал официанта и рассчитался. Когда шагали к выходу, он сунул в карман Станиславу пачку сигарет, сказав: «Я вас этим завтра обеспечу». Он отвез их домой и пожелал спокойной ночи.

Братья разошлись по спальням. Постель у Станислава была разобрана. На подушке лежала голубая шелковая пижама. Он уже переоделся, когда к нему заглянул брат. Он принес газету:

— Если пожелаешь на сон грядущий. Я тебя будить не стану. Спи, пока спишь.

— Спасибо тебе за все, Казимир.

— Нормально, нормально. У нас с тобой впереди еще много интересного.

Станислав зажег лампу на прикроватном столике, лег и развернул газету. Она называлась «Русская мысль». Издаётся в Париже. Двенадцать страниц. Станислав начал читать заголовки. На первой полосе: «Куба и СССР», «Неразбериха или диалектика?», «Нераспространение ядерного оружия», «Переоценка НАТО». На второй полосе — рубрика «По Советскому Союзу» и заголовки: «Общественное государство», «Незаконнорожденные», «Баранина не в моде», «Чашка кофе», «Автобус в Одессе». На третьей полосе внимание Станислава привлекла статья «Продолжительность отпусков в СССР». Он пробежал ее. Из статьи выходило, что все граждане в Советском Союзе имеют право только на двенадцатидневный отпуск.

Чепуха какая-то. Потом взгляд зацепился за строчки: «Площадной бранью пользуются все, но особенно злоупотребляют ею женщины... Мужчины здесь, как ни странно, даже сдержаннее». Некто С. Водов в статье «Из глубины» утверждает, что «сейчас у нас на родине в кругах новой интеллигенции наблюдается усиление интереса к религиозной философии». Еще занятнее! Но глаза неудержимо слипались. Прочтя на одиннадцатой полосе объявление в черной рамке, что скончался князь Юрий Львович Дондуков-Изюдинов и подумав, что вот, оказывается, до сих пор умирают русские князья, Станислав Михайлович уснул беспробудным сном.

Встал он утром в девять. Достал из чемодана бритвенные принадлежности, побрился, умылся, надел новый костюм и минут пять разглядывал себя в зеркале, поворачиваясь так и сяк. И вдруг ему сделалось стыдно: в такие годы вертеться перед зеркалом даже женщине не пристало, а он все-таки мужик...

Он вышел в коридор. Услышав его шаги, из кухни появилась Фанни, свежая, словно умытая росой.

— Доброе утро, — первой сказала она, и ямочки на щеках стали глубже от улыбки.

— Здравствуйте. Брат у себя?

— Он уехал по делам полчаса назад. Он велел мне покормить вас завтраком. Желаете у себя?

— А где завтракаете вы?

— На кухне.

— Тогда и мне на кухню.

Кухня оказалась размером метров в двадцать. У стены слева стоял обеденный стол.

— Садитесь, — сказала Фанни. — Что желаете? Могу предложить яичницу с ветчиной, бифштекс, сосиски, сыр, салат.

— Ну, это слишком много. Если можно, яичницу и салат.

Фанни хлопотала у плиты. Станислав Михайлович чувствовал неловкость — надо бы о чем-нибудь поговорить с человеком. Но о чем? Он был не мастер вести развлекательные разговоры.

— Вы давно из Канады? — спросил он, не придумав ничего оригинальнее.

— Я езжу туда, езжу сюда, — ответила Фанни. — Еще месяц назад была в Оттаве. Теперь я здесь. А вы бывали в Вене?

— Нет, я, кроме Москвы, нигде не бываю.

— Как? Только Москва? — изумленно взглянула она, обернувшись.

— Сейчас. А в войну пришлось кое-где побывать. Пешочком, конечно.

— Вы были солдат?

— Да.

— Как это называется? Освободитель? — Фанни улыбалась очень мило.

— Тогда так и называлось. Мы освобождали Будапешт.

— О, это совсем близко от Вены. Не хотите туда поехать?

Непонятный складывался разговор. Разыгрывает она его, что ли? Вроде не похоже. Он сказал:

— Если захочу, могу поехать в Будапешт из Москвы. Сейчас я приехал к брату.

— Ваш брат ездит всюду. Весь мир.

К счастью, яичница поджарилась, салат был готов раньше. Фанни поставила перед ним тарелки, хлебницу с круглыми румяными булочками.

— Мне надо кое-чем заняться. Позовите, когда захотите кофе, — сказала она и оставила его одного.

Не успел он доест, вернулся брат. Не снимая плаща и шляпы, он прошел на кухню. Поздоровались. Брат был озабочен и не в духе. Сняв и протерев платком очки, он ворчливо сказал:

— Никогда не можешь располагать собой, черт бы побрал все эти дела.

— Что случилось, Казимир? — встревожился Станислав.

— Представь, я должен лететь в Париж. Срочно. Немедленно. Можно подумать, там умрут без меня.

— По делам твоей фирмы?

— Да, черт бы их побрал.

— Как же я?

— Не расстраивайся. Это всего три-четыре

дня, не больше. Мне обиднее, чем тебе, поверь. Но ты скучать не будешь. Я попросил Роджерса — он тебя возьмет под опеку.

— А ты что, прямо сейчас?

— Сию минуту. Буквально. Вот билет на самолет. — Казимир похлопал себя по карману. — Идем ко мне.

В кабинете, собирая со стола бумаги и складывая их в портфель, Казимир дал ему несколько указаний.

— Роджерса не стесняйся, ты видел — он свой. Захочешь прогуляться, вызови машину, Фанни знает, как это сделать. Я оставлю тебе сто долларов. Попроси Роджерса обменять их на кроны. Вечером один по кабакам не ходи. Что еще? Кажется, все. Советуйся по всем интересующим тебя делам с Фанни или Роджерсом. Сходи в собор святого Стефана, съезди в лес. Роджерс позвонит тебе после часу.

В десять часов брат уехал, поцеловав Станислава в щеку и перекрестив католическим двуперстием.

Фанни сварила кофе, он докончил свой завтрак в унылых размышлениях. Нескладно получается: его бросили на попечение чужих людей. Как он должен себя вести? Роджерс производит приятное впечатление, но нельзя же навязываться ему. И потом — дипломат. С какой стати он будет возиться с едва знакомым человеком?

Фанни пришла помыть посуду и вывела его из раздумья.

— Вам немножко не везет, но это ничего. Мистер Роджерс веселый джентльмен, — сказала она, чтобы ободрить его. — Пока можете посмотреть телевизор или почитать. У брата есть русские книги.

— Спасибо, Фанни. Лучше пойду прогуляюсь.

— Через час можно вызвать автомобиль. До центра города далеко.

Она надела резиновые перчатки и склонилась над посудомойкой. На ней было тонкое серое платье в обтяжку, очень короткое. Тесемки передника подчеркивали талию. Ямочки на сгибах под коленками чем-то напоминали ямочки на ее щеках. Станислав Михайлович подумал, что проводить время в обществе Фанни было бы гораздо приятнее, чем в обществе Роджерса. Он охотно отказался от пешей прогулки.

— Подождем машину. Я вам не мешаю?

— Что вы! Я все время одна. Это плохо для молодой женщины.

— Извините за нескромный вопрос: сколько вам лет?

— Тридцать.

— Я думал, двадцать! — признался он, и, может быть, никогда комплимент женщине не звучал так искренне.

Он впервые услышал ее смех и поразился, как звонко она смеется.

— И вы никуда не ходите по вечерам?

— В кино. Иногда в театр.

— Одна?

— Да.

— Неужели у вас нет...

— Жениха? — помогла она ему. — У меня уже был муж. Теперь долго не будет.

— Почему?

— Он был... как это?.. Отелло.

— Ревнивый?

— Да. Теперь мне надо долго отдыхать.

В кабинете Казимира зазвонил телефон.

— Простите.

Она вышла и тут же вернулась.

— Это мистер Роджерс. Он просит вас.

Густой, хорошо наполненный баритон Роджерса по телефону звучал еще красивее.

— Паскевич, здравствуйте. Брат уехал?

— Да, совсем недавно.

— Такой брат хуже плохой тещи, правда? Бросать дорогого гостя...

— Ничего, не обижаюсь.

— Я шучу. Ваш брат хороший человек, я его очень люблю, но он немножко... как это?.. Строгий нравственность. Святош. Мы с вами не такие.

Станислав отметил про себя, что у Роджерса и Фанни одинаковый акцент и они одинаково строят фразу, и это ему почему-то не понравилось. Словно он уже начинал ее ревновать.

— Алло, вы меня слышите? — спросил Роджерс, не дождавшись ответа.

— Да, да, мне все понятно. Фанни сказала, что вы не дадите мне скучать.

— Она умная женщина. Но я звоню не для того, чтобы делать ей рекламу. Давайте договоримся.

— О чем?

— Я могу освободиться раньше, чем думал. И могу отдать себя в ваше распоряжение с двенадцати часов.

— Очень приятно.

— Поедем за город. Я вас покатаю. И по дороге что-нибудь придумаем.

— Хорошо. Жду вас.

По обычаю застенчивых людей Станислав Михайлович посмотрел на себя со стороны, критически оценил свое поведение за прошедшие полтора часа и нашел, что из него наконец-то улетучилась робость, которая вдруг появилась вчера и которая делает пятидесятилетнего отца семейства беззащитным мальчиком, всецело зависящим от произвола взрослых. И, пожалуй, больше всего этому способствовала Фанни. Он был бесконечно благодарен ей за это. Действительно, женщина замечательная.

...Они выехали на загородную магистраль. И Роджерс прибавил газу. Стрелка спидометра держалась на отметке 110 миль. Роджерс вел свой бордовый «бьюик», держа баранку одной рукой, то левой, то правой. Казалось, машина все делает сама, и Станислав Михайлович как автомобилист мог по достоинству оценить непринужденное искусство водителя.

Было 1 декабря, а деревья — клены, ясени, дубы, — рощами и в одиночку пробежавшие мимо них по обеим сторонам шоссе, еще не скинули листья. Все оттенки желтого и красного взяли деревья для своих уборов. Машина неслась словно внутри солнечного луча, хотя небо было затянуто облаками. Станиславу Михайловичу казалось, что он вернулся в подмосковный сентябрь. И еще было такое ощущение, словно он уехал из Москвы не три дня назад, а три месяца.

Роджерс молчал, видимо, понимая, что у его пассажира нет желания разговаривать. Так они ехали минут сорок. Мелькнул какой-то рекламный щит, и тогда Роджерс сказал:

— Сейчас будет мотель. Не пропустите ли нам по маленькой?

— А вам можно? Вы же за рулем.

— Не рекомендуется, конечно. Но здесь не так строго, как в Москве. Лишь бы машина не качалась, — пошутил Роджерс.

Станиславу Михайловичу любопытно было посмотреть мотель, и сверх того хотелось пить.

— А пиво в мотеле найдется?

— Что угодно.

Роджерс притормозил, свернул вправо и остановился на круглой площадке перед двухэтажным зданием из пластика и стекла. Они вышли. К машине тут же подбежал служитель в униформе, поклонился Роджерсу, сел за руль и уехал куда-то за угол.

В баре мотеля Роджерса знали. Официантка с белыми волосами, змейками падавшими на плечи, пропела ему что-то и показала на столик.

От еды и виски Станислав Михайлович отказался. Ему принесли несколько маленьких бутылок пива, на этикетках которых стояли три буквы «М». Роджерс пил виски и съел множество закусок. Официантка время от времени лениво прохаживалась мимо столика, и Роджерс перебрасывался с ней словечком. Она отвечала поющим голосом и искоса взглядывала на Станислава Михайловича.

— Эта блондинка вам нравится? — спросил у него Роджерс, покончив с закусками.

— Да как-то не задумывался. — Не ожидавший такого вопроса, Станислав Михайлович покраснел.

— А почему задумываться? Для этого... как это... нужен не ум. — Роджерс ухмыльнулся.

Станиславу Михайловичу показалось, что с ним не Роджерс, а кто-то другой. Очень уж резкий переход от целомудренного молчания в дороге к сальному намеку. Он промолчал.

— Э-э, вы не лучше брата. Но мы еще посмотрим.

Роджерс расплатился, обнял официантку за плечи, пошептал ей на ухо.

Пока они курили, выйдя на площадку, служитель пригнал автомобиль. Роджерс дал ему монету. Тот поклонился.

Возвращались они другой дорогой, и она была так же хороша, и так же красиво было вокруг. Облака разомкнулись, в голубые окна пробивалось солнце, и когда его лучи па-

дали на купы деревьев, они вспыхивали, как костер, в который бросили хворост. Оскомина после разговора в мотеле пропала, и Станислав Михайлович ощущал радость в груди и слышал голосом Шульженко поющую песню: «Бабье лето, бабье лето...» Стало вольно на душе, последнее напряжение исчезло. Ведь он же в отпуске, он же отдыхает. Что бы он делал сейчас, если бы приехал не в Вену, а в Ялту или Сочи? Гулял бы по набережной, заходил бы в винные лавочки, попивал легкое вино...

Въехали в город.

— Хотите попасть в девятнадцатый век? — спросил Роджерс.

— Интересно.

— Сейчас мы это сделаем.

Машина остановилась на конце улицы, вливающейся в небольшую площадь. На площади стояли старинные экипажи самых разных видов, напряженные разномастными лошадьми. Кучера были в цилиндре.

Роджерс запер машину, и они подошли к извозничьей бирже. Роджерс выбрал кабриолет, и они покатались с площади в узенькую улочку, где двум экипажам вряд ли удалось бы разъехаться.

— Я сегодня хочу выпить. Нет, нарезать, — сказал Роджерс. — По-фински или по-шведски. Знаете, как финны и шведы пьют, когда хотят выпить?

— Не видел.

— Они пьют... как это?.. Влежку. Не желаете составить компанию?

— Влежку я не умею.

— Это нетрудно. Начнем? — Роджерс, нагнувшись, положил руку кучеру на поясницу.

Цокот копыт прекратился. Они стояли напротив маленького кабака.

Станислав Михайлович посмотрел на часы — половина четвертого. Он не предполагал, что тем самым зафиксировал очень важную для себя точку отсчета времени.

— Ну, попробуем, — сказал он.

Вошли в кабачок, и хозяин подал им две бутылки белого сухого вина. Закусывали яблоками.

События последовавших затем суток поддаются лишь конспективному изложению.

В следующем кабаке — снова сухое вино.

К вечеру они очутились в ресторане под названием «Мулен Руж». Он был похож на концертный зал, только вместо кресел в партере стояли столики. На сцене пели и танцевали девушки, раздевавшиеся по ходу исполнения, а затем спускавшиеся в зал и садившиеся на колени к тем, кто этого желал. Роджерс и Станислав Михайлович тоже этого пожелали, а потом допивали с девушками в отдельном кабинете.

Проснулся Станислав Михайлович ночью у себя в спальне оттого, что кто-то тербел его за ухо. В постели у него лежала Фанни. Она ушла на рассвете.

Вторично его разбудил уже Роджерс. В одной руке он держал стакан с виски, в другой бутылку воды. Они опохмелились, по очереди хлебнув из стакана и запив водой.

Завтракали втроем на кухне. После завтрака втроем поехали гулять в лес. Там же и обедали в небольшом ресторанчике. После этого Фанни оставила их.

Вечером танцевали в каком-то огромном зале, где на эстраде играл оркестр рок-музыки.

Произошла драка. Станислав Михайлович очнулся в полицейском участке, в длинной узкой комнате без окон, набитой людьми так, что он не мог повернуться с боку на спину. Он не успел собрать мысли в раскалывавшейся от боли голове, когда скрипнула дверь и кто-то громко назвал его фамилию. Он поднялся и вышел. Полицейский привел его в ярко освещенную комнату со множеством телефонов и еще каких-то аппаратов. Там он увидел Роджерса, который был хмур. Роджерс взял его под руку, вывел на улицу и сказал, что он внес залог, и может быть, все утрясется. В два часа ночи Станислав Михайлович, поддерживаемый Роджерсом, вошел в свою спальню...

Станислав Михайлович был безмерно благодарен. Он ни секунды не подозревал, что все это разыграно по грубому и пошлому сценарию, составленному в расчете именно на таких простаков, как он.

Продолжение следует.

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитрий ЖУКОВ

В Ленинграде есть старинное здание таможни, которое давно уже называют Пушкинским домом, а иначе Институтом русской литературы Академии наук СССР. Там за толстыми стенами живут рукописные книги, многие из которых старше стен, старше камней, привезенных на ингерманландское болото по указу Петра I. Камни и те не выдерживают разрушительного напора времени, климата и человеческого равнодушия. Хрупким книгам уцелеть труднее еще потому, что они не столь молчаливы, как камни. Книжки донесли до нас голоса праотцев, их веру в высшую справедливость, их страсть. Книжки хранят тепло их рук.

Еще до недавнего времени хранителем этих сокровищ был доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев. Окидывая взглядом полки, заставленные старинными книгами в кожаных переплетках, он говорил:

— Потомкам рукописи пригодятся больше, чем нам. Сохранить бы их, избежать обвинения потомков в равнодушии...

И Малышев любовно перечислял собранные богатства — хронографы, поучения, жития, беседы, лечебники, грамоты, книги писцовые, дозорные, межевые, повести и сказания...

Этому собранию (одному из немногих в стране) Малышев положил начало лет тридцать с лишним назад, когда привез из своей первой экспедиции на Печору небольшую связку рукописных книг, найденных в крестьянских избах. СобираТЕЛЬСКОЕ деяние Малышева прервала война. Филолог стал боевым офицером, воевал на знаменитой Невской Дубровке и Синявинских болотах, командовал ротой...

А потом снова были экспедиции и находки. Ценные списки «Повести о Филиппе и Терентии», «Повести о Сухане, киевском богатыре»... Списки, а потом и подлинники произведений великого писателя XVII века протопопа Аввакума. Малышеву мы обязаны находкой списка «Слова о погибели Русской земли». Прежде существовал всего лишь один такой список. Появился другой, и тотчас смолкли голоса, предвещавшие, что это произведение, без которого не мыслится наша древняя литература, — подделка.

Слышавший краем уха о старых ученых спорах, охочий до сплетен обыватель и теперь нет-нет да помянет про сомнительность «Слова о полку Игореве», единственный список которого погиб в московском пожаре 1812 года. Величие народа покоится на его прошлом, и давнем и недавнем. Отними это прошлое, культуру, и останется просто громадная пестрая толпа,

неспособная строить свою будущность. Как бы было благодарно наше Отечество человеку, который нашел бы еще один список «Слова о полку Игореве»! И вот тут-то и встает во весь рост смысл собирательской страсти В. И. Малышева. Каждая книга, найденная им, укрепляла основание нашей древней культуры.

Укрепляла... Я невольно употребил прошедшее время, потому что 2 мая прошлого года Малышева не стало. Но живет и пополняется созданное им древлехранилище, которое уже при его жизни насчитывало более шести тысяч книг, найденных в экспедициях и подаренных самыми разными людьми.

Средоточием поисков В. И. Малышева был русский Север, где в прошлые века не утвердилось крепостное право, где была выше грамотность среди крестьян, куда бежали старообрядцы, унося с собой драгоценные книги... Но самые старые списки и оригинальные книги древлехранилища относятся к XIV веку.

Из берестяных грамот XI—XIV веков мы знаем о едва ли не поголовной грамотности новгородского населения. В списках до нас дошли великие произведения Древней Руси этого же периода. Но их считанные единички, потому что пылали на нашей земле губительные пожары междоусобных войн, города разрушались дотла многочисленными врагами.

Из древнейших памятников русской литературы, дошедших до нас, к XI веку относится около тридцати книг, к XII веку — вдвое больше. Потеряно же их превеликое множество, и в том числе произведения X века.

Глубокая идея и чувство патристического долга искони были отличительной чертой русской литературы. Эти качества особенно отчетливо видны в русских летописях, начало которых возводит к А. А. Шахматовым к 1037—1039 годам, когда была составлена первая летопись — Древнейший Киевский свод. Но уже само слово «свод» подразумевает сведение воедино еще более древних произведений, документов, легенд. Так, летописцы включали в свои своды тексты договоров русских с греками под 907, 912, 945 и 971 годами, выборки из переводных сочинений...

О развитой книжной культуре говорит хотя бы фраза составителя первого свода, сказавшего, что книги «суть реки, наполняющие вселенную». Он жил не только в мире легенд, но и в мире книг, среди которых, несомненно, были русские.

«Русская литература возникла еще в X веке», — пишет выдающийся советский ученый, академик Д. С. Лихачев. Он говорит о множестве просветительских книг и приводит для примера «Речь философа» — изложение всемирной истории, «произведение литературно умелое», написанное в X веке и включенное в первый летописный свод.

Учеными не раз высказывались предположения, что летописцы, рассказывая о начале Русского государства, об Олеге, Игоре, Ольге и Святославе, пользовались письменными источниками, древними нашими повестями. И недаром историк К. Н. Бестужев-Рюмин писал о «Повести временных лет», что она является «архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы».

Века поглотили и саму память о начале славянской письменности. Лишь изредка сквозь толщу веков брезжит свет далекой мысли наших предков. То болгарский черноризец Храбр на рубеже IX и X веков сообщает, что на языческой Руси пишут «чрътами и резами». То арабский писатель Ибн-Недим (X в.) скажет, что видел полученную от руса дощечку с

вырезанной надписью. Таких сообщений немало. Да и в «Паннонских житиях св. Кирилла и Мефодия» можно прочесть, что Кирилл в Корсуні примерно в 859 году встретил человека, у которого видел «Евангелие и Псалтирь русскими письмами писано». Один из будущих создателей славянской азбуки быстро научился читать эти книги. Не древнерусские ли письма вместе с греческими легли в основу новой азбуки?

На Нижнем Дону находят надписи на камнях и флягах, относящиеся к VIII—X векам и выполненные знаками, похожими на буквы кириллицы и глаголицы. Вспоминают сейчас и персидского историка Фахр ад-дина Мубаракшаха Марварруди, который указывал, что хазарское письмо «происходит от русского».

А вот и еще одно ошеломляющее сообщение: «Еще до римской, греческой и гипотетической кельтской письменности бытовало в Северном Причерноморье малоисследованное письмо, от которого ленинградский профессор Г. Ф. Турчанинов вслед за видным австрийским семитологом А. Ирку выводит финикийский алфавит. От финикийцев же, этих потомков индоевропейских «народов моря», берут начало древнееврейская, древнегреческая и другие системы письма».

Сообщение это связано с возобновлением изучения «Влесовой книги», написанной «чрътами и резами» на 35 березовых дощечках. Содержание книги столь необычно, что оно не укладывается в существующие представления о древности славянской письменности и потому стало предметом научных споров и даже обвинений в мистификации. Из того, что пока разобрано во «Влесовой книге», мы узнаем о русах как «внуках Дажьбога», о праотцах Богумире и Оре, о передвижениях и битвах славянских племен.

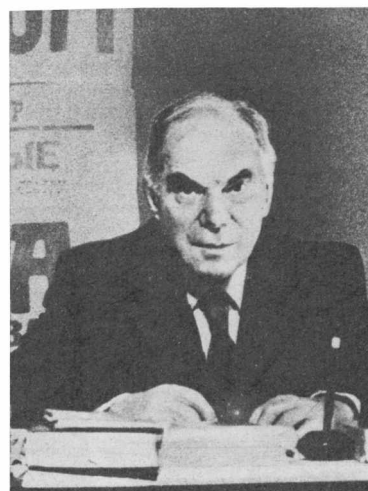
О многом из того, что мы знаем об ариях, покинувших первоначальную родину на востоке Европы и перекочевавших в Индию ко II тысячелетию до нашей эры, отчетливо напоминает не только сходство их и славянских материальных культур, языческих мифологий, имен богов и названий основных предметов, но и содержание деревянных дощечек.

Кстати, не мешало бы вспомнить, что в «Слове о полку Игореве» говорится, как Боян «растеклся мыслью по древу». В примечаниях обычно дается пояснение, что «древо метафорическое, употребляемое в переносном смысле». Однако прямой смысл — изложение мысли на деревянных дощечках — совсем не исключен.

Мы забрались в область письменности, но где письменность, там и литература... Впрочем, проблема славянской письменности пока еще не выходит за рамки научных гипотез.

Но совершенно достоверен факт: в последней трети X столетия на Руси была широко развита письменность, были оригинальные книги и переводы на понятный для русских литературный язык. Это и дало основание академику Д. С. Лихачеву в его книге «Великое наследие» заявить, что «мы с уверенностью можем отмечать тысячелетие русской литературы в восьмидесяти годах нынешнего столетия».

Уже не за горами этот большой и протяженный во времени праздник каждого человека, владеющего русским языком. Праздник великий, наполняющий сердца патристической гордостью.

НЕУТОМИМОЕ СЛУЖЕНИЕ

Среди деятелей советского театра, пожалуй, нет человека, столь разностороннего в своих дарованиях и полного такой неиссякаемой энергии, как Павел Александрович Марков. Своим верным соратником, своим наставником и учителем считают Маркова режиссеры, актеры, театральные критики, целые коллективы московских театров.

Более полувека связывают П. А. Маркова с МХАТом, куда он в 1925 году был приглашен Вл. И. Немировичем-Данченко заведовать литературной частью и где при его деятельном участии закладывались основы современного репертуара, построенного на пьесах молодых талантливых писателей В. С. Иванова, М. Булгакова, Л. Леонова, В. Катаева, А. Афиногенова, Н. Погодина, А. Корнейчука...

Разнообразна режиссерская деятельность П. А. Маркова. Помимо ряда драматических спектаклей на сценах МХАТа и Малого театра, он создал несколько оперных постановок, ставших заметными вехами в жизни Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Именно в те годы, когда он руководил музыкальным театром, Марковым поставлены редкие появляющиеся на сцене оперы Н. А. Римского-Корсакова «Мощь и Сальери» и «Кашей Бессмертной»; «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха... Там же была осуществлена постановка «В бурю» Т. Хренникова, ставшая первой страницей в истории оперной Ленинныи.

Необозрима работа Павла Александровича Маркова как театрального критика. Представление о ней может дать четырехтомное издание его произведений «О театре», выходящее в издательстве «Искусство». Здесь статьи об истории русского и советского театра, целый том театральных портретов: Ермоловой и Качалова, Хмелева и Ильинского, Пашенной и Книппер-Чеховой и многих, многих других. Здесь «Дневник театрального критика», отражающий любовь автора к театру, глубокое знание природы театрального искусства. Один из трудов П. М. Маркова по истории и теории театра — «Режиссура» Вл. И. Немировича-Данченко в музыкальном театре и сборник «Правда театра» удостоены Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского.

Почти четыре десятилетия не прекращается педагогическая деятельность профессора Маркова в Государственном институте театрального искусства имени А. В. Луначарского.

Режиссеру и педагогу, исторiku и театрологу, доктору искусствоведения Павлу Александровичу Маркову исполнилось восемьдесят лет. Эту славную дату юбиляр встречает в творческом горении, в неустойчивом служении любимому делу.

Н. ЦВЕТКОВА

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ КОВАЛЕВА

Не стало Дмитрия Ковалева, замечательного поэта земли русской. Кажется, совсем недавно я слышал его голос в телефонной трубке: «Надо бы встретиться, поговорить. Походим по первому снегу, нынче ранний зазимок...»

И вот мартовская оттепель. Стою у свежей могилы на Ваганьковском кладбище и трудно выговариваю: «Мы прощаемся...» Ему бы жить да жить, ведь шестьдесят один год — время человеческой зрелости. Он в гробу, в цветах, лицо обращено к небу, которое он видел разным — и сердитым, и печальным, и восторженным. Оно отражалось в его стихах необычайно контрастно, то в виде солнечной ночи, то с молчанием гроз, то в осыпающихся огнях салюта. Это о нем он писал: «Рассвет нежнее ржания коня». Неожиданная, исключительная по свежести метафора соединила небо и нашу милую землю, по которой он ходил, присматриваясь к легчайшему движению природы, на которой он с непрекращаемой заботой и удовольствием работал молотом и плугом, косою и пером. Оттого-то в его лирических воспоминаниях всегда оставалось непосредственное восприятие труда:

Я, даже горе забывая, помню,
Как пахнут кузница и борозда.

Но в его руках звучало и оружие. С первых дней Отечественной войны Дмитрий Михайлович сражался в полку морских пехотинцев, которые держали оборону в сопках на границе с Норвегией. Затем он принимал участие в боевых операциях подводного флота далеко от родных берегов — во вражеских водах.

Став профессиональным писателем, Дмитрий Ковалев никогда

не замыкался в своем индивидуальном литературном мире, он был жизнедеятельным гражданином нашего Отечества, принципиальным коммунистом, его видели всегда среди людей. Он заведовал много лет в издательстве «Молодая гвардия» отделом современной литературы, а с начала шестидесятых годов и до последнего дня занимался с творческой молодежью в Литературном институте имени М. Горького, передавал свой опыт мастера слова молодым поэтам. Как педагог, он был чуток, отзывчив и терпелив. Ему сопутствовали скромность и большая человеческая совесть.

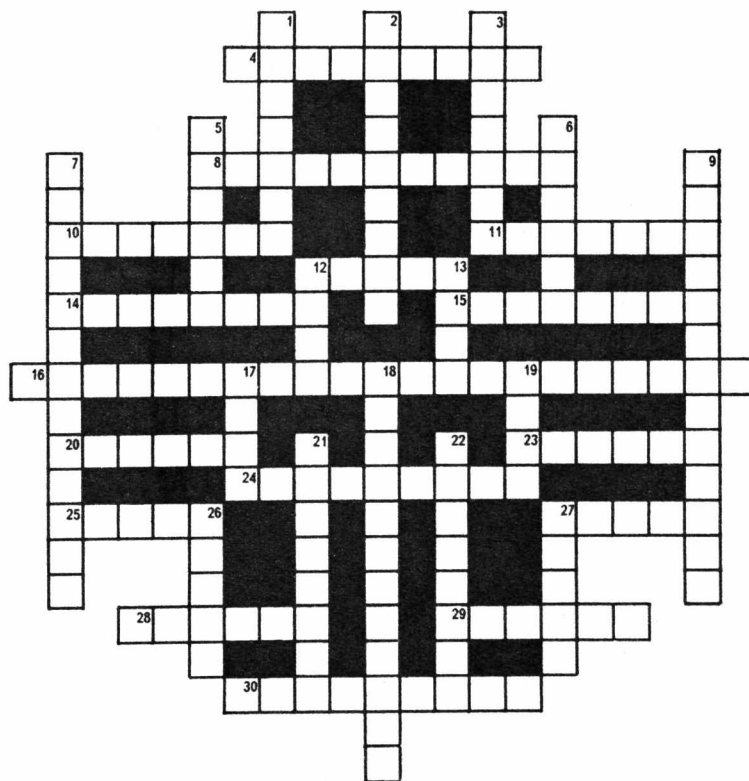
Дмитрий Ковалев — поэт настроения и мысли. Он создал в советской поэзии свой неповторимый лирический и философский мир. В его творчестве нет остывших чувств, эффектных безделушек, оно отличается внутренним единством и целенаправленностью. Величина его таланта и качество таланта никогда не расходились, напротив, гармонично сливались.

Им издано более тридцати поэтических книг. Он успешно переводил стихи и прозу писателей братских республик.

В издательстве «Современник» вот-вот выйдет сборник его избранных стихотворений с пластинкой, на которой записан голос Дмитрия Михайловича. Он уже не увидит этого издания, так же, как нам, его читателям и почитателям, не увидеть самого поэта.

Но остался нам его голос, его поэзия, чистая и глубокая, мысли и чувства, которые будут долго волновать наши сердца.

Сергей ПОДЕЛКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Оптический инструмент. 8. Специальная коробка для сбора растений. 10. Стилистический прием, повторение строф или фраз. 11. Штат США. 12. Мужской голос. 14. Один из героев русской былины. 15. Участок земли для взлетов и посадок самолетов. 16. Что-либо, заслуживающее особого внимания. 20. Главный персонаж кинотрилогии, поставленной режиссерами Г. М. Козинцевым и Л. З. Траубергом. 23. Старинная мужская одежда. 24. Русский народный музыкальный инструмент. 25. Танец. 27. Легендарный крейсер. 28. Порт в Африке на реке Луалаба. 29. Советский поэт. 30. Основная, преобладающая идея.

По вертикали: 1. Крытая дорожная повозка. 2. Материк. 3. Знак на форменном головном уборе. 5. Плод фруктового дерева. 6. Столица Мали. 7. Аппарат, преобразующий напряжение электрического тока. 9. Раздел хирургии. 12. Помещение на судне. 13. Полоска по краям обуви. 17. Деление на круге компаса. 18. Часть речи. 19. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 21. Приспособление для перекрытия пути, переезда. 22. Ученый, создавший теорию относительности. 26. Многолетнее травянистое растение. 27. Город в Болгарии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 2. Петропавловск. 8. Теркин. 9. Окуляр. 10. «Человек». 11. Вуаль. 15. Бурки. 17. Сахалин. 18. Каравай. 19. «Полтава». 23. Армавир. 24. Вишня. 26. «Тапер». 30. Инженер. 31. Свинец. 32. Анабас. 33. Остроградский.

По вертикали: 1. Интервал. 2. Пороша. 3. Ранчо. 4. Автограф. 5. Опока. 6. Калибр. 7. Березина. 12. Лигроин. 13. «Латавра». 14. Чигорин. 16. Украина. 20. Саврасов. 21. Кантемир. 22. Вернисаж. 25. Шапито. 27. Прибой. 28. Мицар. 29. Брамс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев выступает с речью на XVI съезде профсоюзов СССР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Контроль за пшеничным «полем». Ведущий инженер Б. Н. Шебакин контролирует работу фотосинтетических реакторов. (См. в номере материал А. Голыкова «Прообраз космического дома».)

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международного — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/III—1977 г. А 00318. Подп. к печ. 22/III—1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 534. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 259.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Как заставить зверя лечиться? Вопрос далеко не праздный, особенно если речь идет не о домашних животных, а о диких. Лечить же их совершенно необходимо. И не только тогда, когда они попадают в беду — скажем, сломают себе случайно что-нибудь или покалечатся в драке, но и от болезней как таковых — различных инфекций и паразитов, внедрившихся в организм и ослабляющих его, особенно в зимнюю бескормицу.

В детстве каждому из нас известно, что зверей лечит Айболит, когда же мы начинаем вырастать, то усваиваем, что айболитов много, попадают среди

везло на хороших людей! Встретился профессор-морфолог Сергей Николаевич Боголюбский и сказал: «Что ж, девочка, для тебя лучше ветеринарного факультета в пушно-меховом институте нет. Тут и биологию сможешь изучать и путешествовать, конечно». Она ему поверила, и никогда об этом не пожалела. Со второго курса стала ездить в экспедиции. Училась успешно, была крепкой, выносливой — запросто поднимала девяностокилограммовую рентгеновскую установку, которую брали с собой в поход. Не хныкала, ни от какой работы не отказывалась. Однажды в далеком аварском ауле пошла искать лошадей, чтобы забросить в горы экспедиционное имущество. Посреди аула местные джигиты гоняли по кругу на веревке только что отловленных, совершенно диких лошадей: «Других нет, хотите — берите этих!» Нина Степановна вскочила на необъезженную лошадь.

— И как она меня ни мотала, как ни старалась сбросить — я приросла! Они аж сами испугались, — смеется, вспоминая, Назарова. — Но за эту мою храбрость председатель колхоза дал нам лошадей, а персонально мне — своего любимого коня и вообще нам во всем помогал. В экспедиции ездила все институтские годы, увлеклась морфологией животных и была рекомендована в аспирантуру. Тогда же, в поездках, поняла: нельзя животных просто сохранять или любоваться ими — надо помогать ди-

свой человек, — бывала там не однажды... И я еду с ней.

А как все-таки заставить зверя лечиться?

С утра идем на «передержку» — ферму, где перед отправкой в другие заповедники содержат отловленных зверей. Сегодня тут четырнадцать оленей, пойманных на прошлой неделе. Одни спокойно ждут корма, другие пугливо прячутся в глубь вольера, а две молоденькие оленушки, только вчера привезенные, даже не встают — лежат безучастно в углу, тощие и слабые: зима им явно не под силу.

Вместе с кормом — овсом, ячменем, люцерной — животные получают лекарство. Каждый свою дозу, которую сейчас высчитывают для них в зависимости от возраста и веса тела дипломированные ветеринарной академии — чех Иржи Крайф и Саша Хрусталева вместе с Ниной Степановной.

— Лекарство это, нилверм, не новое, — говорит она, — и оно с успехом применяется в сельскохозяйственной практике. Но тут его надо апробировать заново, ведь большинство диких животных очень чувствительно к запахам, и если корм пахнет чем-то непривычным, пациенты наши к нему не притронутся, и никакие уловки тут не помогают. Вот, скажем, кабанов, особенно их оголодавших малышей, обхитрить еще легко, — сыпь им лекарство в корм — все подчистят, а вот с лосем, оленем, косулей, маралом много сложнее, они осторожнее и недоверчивее.

Квартал за кварталом объезжаем заповедник.

— Поедем сначала к ловушкам,

шок не сдувало ветром, она другую хитрость придумала — обмазывать стволы липким раствором. Вот и сегодня на площадке обмазали срубленные осинки: снег глубокий, корм не достать, значит, завтра-послезавтра олень сюда придет обязательно. Такой же опыт был проведен и в одном из подмосковных заповедников, удался он отлично — лоси и кабаны вылечились, прибавили в весе, стали крупнее.

Мы кочуем по заповеднику, мои спутники занимаются своими подопечными, а я, стараясь не подавать вида, с интересом изучаю Нину Степановну. Деятельная, подвижная, легкая на подъем, она часами, не шелохнувшись, сидит в засидках или на вышках — фотографирует, наблюдает, записывает. Ее рассказы о зверях — целые поэмы. Я уже знаю, что она ради своих зверей может делать десятки километров в день, продираясь сквозь тайгу с ружьем и рюкзаком, с завидным упорством и бесстрашием переплывает разлившуюся реку и столь же упорно и неутомимо часами не отрывается от микроскопа. У нее на все хватает времени — и на заседания ученых советов, и на консультации диссертантов, и на поездки по заповедникам, где она

ЛЕСНЫЕ ДОКТОРА

Нина Степановна Назарова.

них и женщины, а зовется эта армия «звериного милосердия» ветеринарами, которые, в свою очередь, еще и подразделяются по специальностям.

С одной такой «айболиткой» я встретила несколько лет назад в командировке в Литве. Она стремительно вошла в номер гостиницы и звонким голосом стала оживленно рассказывать о том, как только что участвовала в облаве на волков.

Так я познакомилась с Ниной Степановной Назаровой.

Девочка из рязанской деревни мечтала об авиации или о Бауманском училище — педагоги отмечали ее блестящие способности к математике и физике. Приехала в Москву. Время военное, голодное. Поступила в торфяной техникум. Отлично училась, но поняла, что занимается «чужое» место... Пошла на заочное в педагогический институт и увлеченно преподавала в родной школе биологию. Перед самым окончанием пединститута почувствовала, что и школа и педагогика тоже не ее стихия.

Жажда видеть все самой и непременно путешествовать была столь велика, что сорвалась из родной Бекленевки и вновь устремилась в Москву: «И всегда мне

ким зверям выживать и быть здоровыми.

А с людьми мне всегда было легко, — продолжает она свой рассказ. — Походная, бродячая жизнь научила меня главному — делать все возможное самой, никому не быть обузой, и тогда ты всюду на месте. И еще — думаю уже сейчас, когда у самой взрослая дочь и когда столько судеб прошло перед глазами: не должны взрослые давить на детей, можно просто исподволь направлять ребенка, давать ему возможность испытывать свои силы, самому идти к намеченной цели...

Потом, после той нашей первой встречи, мы долго не виделись — никак не могла я застать Нину Степановну в Москве. То она уехала на Чукотку, то на остров Врангеля. Потом на Таймыр, на Кавказ, в Беловежскую пущу, на Камчатку, на Алтай, в Окский заповедник, в Узбекистан...

И вот повезло! На день она завершила в Москву, а завтра отправляется в Воронежский заповедник, где она, как оказалось,

где кабанчики, — предлагает Нина Степановна, — а потом — к осиннику, я должна посмотреть, как там олени себя ведут.

Встречаем стайку из пяти кабанят, они спешат к кормушкам, услышав издали шум машины. Подпускают к себе почти вплотную. Полосатенькие слабаки, на длинных худющих ножках, не помоги им человек — погибнут в морозы.

Нина Степановна и им дает лечебный корм, рассыпая его равными порциями — чтобы не подрались и каждому хватило.

Около осинника много оленьих следов: вот тут — кормился, обгладывал тонкие веточки с почками, здесь — лежал, отдыхал: осталась уютная ямка. Определили, что побывало оленей двадцать, да и не просто они побывали, а и поели: Назарова им намазывает лекарство на кору осин. И уж на что осторожен лось, а и того удалось угостить препаратом: Нина Степановна надрезает кору, всыпает в трещины лекарство, и оно, если можно так выразиться, доходит до адресата. А чтобы поро-

внедряет свой не только милосердный, но и экономически эффективный метод оздоровления и лечения диких животных, и в выступлениях по радио и телевидению. Высок ее авторитет среди коллег и товарищей, и свидетельство тому служит тот факт, что шесть лет подряд избирали ее секретарем партийной организации Всесоюзного института гелиминтологии имени К. И. Скрябина, в котором она работает.

...На следующий день с утра было солнечно, поскрипывал снег, покрывшийся острой стекляной пленкой — о такую, проваливаясь по брюхо, зверь в кровь ноги режет! Дорога, вчера мягкая, проезжая, словно торосами перегоридилась: не только зверю не пройти — трактором не пробить. И в этот морозный после оттепели день особенно остро подумалось, как же тяжело даже здоровому зверю в снежную зиму добывать себе корм, а уж хворому да слабенькому — просто крышка. И тут же мелькнула мысль: «Если бы...» Но мы-то, люди, на что?!

Благородные олени.

Медосмотр.

Сосны заповедные.

Будущий биолог Лена Воронцова со своим любимцем барсуком Мишкой.

Снежная нынче зима.

